

Ю.Г. Бит-Юнан, Д.М. Фельдман

Василий Гроссман

**литературная биография
в историко-политическом
контексте**

Давид Фельдман

**Василий Гроссман.
Литературная
биография в историко-
политическом контексте**

«Неолит»

2015

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Фельдман Д. М.

Василий Гроссман. Литературная биография в историко-политическом контексте / Д. М. Фельдман — «Неолит», 2015

ISBN 978-5-9906768-4-8

В. С. Гроссман – один из наиболее известных русских писателей XX века. В довоенные и послевоенные годы он оказался в эпицентре литературных и политических интриг, чудом избежав ареста. В 1961 году рукописи романа «Жизнь и судьба» конфискованы КГБ по распоряжению ЦК КПСС. Четверть века спустя, когда все же вышедшая за границу книга была переведена на европейские языки, пришла мировая слава. Однако интриги в связи с наследием писателя продолжились. Теперь не только советские. Авторы реконструируют биографию писателя, попутно устраняя уже сложившиеся «мифы». При подготовке издания использованы документы Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности. Книга предназначена историкам, филологам, политологам, журналистам, а также всем интересующимся отечественной историей и литературой XX века.

УДК 82(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9906768-4-8

© Фельдман Д. М., 2015

© Неолит, 2015

Содержание

От издательства	7
Часть I. Оттепель и заморозки	8
Награда побежденному	8
Итоги поражения	12
Контекст негласного запрета	18
Пограничные инциденты	24
Эволюционный проект	29
Контекст скандала	34
Парадоксы скандала	39
Эффект резонанса	43
Искушенность и наивность	47
Очередная замена	51
Проектное завершение	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Давид Фельдман, Юрий Бит-Юнан Василий Гроссман. Литературная биография в историко- политическом контексте

© Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М., 2015

© Издательский дом «НЕОЛИТ», 2015

От издательства

Эта книга продолжает монографию, посвященную жизни и творчеству В.С. Гроссмана – одного из наиболее известных русских писателей XX века. Первая часть ее опубликована в прошлом году нашим издательством.

В первой книге были обозначены неисследованные биографические проблемы. Установлено, что Гроссман в довоенные и послевоенные годы оказался, можно сказать, в эпицентре литературных и политических интриг высших партийных функционеров. Ареста избежал чудом.

При исследовании биографических проблем авторы стремились воссоздать историко-политический контекст сталинской эпохи. В первой книге речь шла о юности Гроссмана, его становлении как писателя, начальных этапах стремительной литературной карьеры, и, наконец, интриге, связанной с романом о Сталинградской битве – «За правое дело».

Новая книга – о создании романа «Жизнь и судьба». Его рукописи были конфискованы сотрудниками КГБ СССР в феврале 1961 года. Ну а впервые полностью роман был опубликован за границей почти двадцать лет спустя.

С тех пор роман Гроссмана переведен на все европейские языки, многократно опубликован. Он признан классикой мировой литературы.

История создания и публикации романа «Жизнь и судьба» неоднократно описана мемуаристами и литературоведами. Но, как доказывают авторы данного исследования, она изначально «мифологизирована» сообразно различным политическим установкам. То же самое можно сказать и о биографии самого Гроссмана.

При подготовке этого издания использованы материалы Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива новейшей истории, Центрального архива Федеральной службы безопасности.

Часть I. Оттепель и заморозки

Награда побежденному

Если судить по формальным показателям, то результатом пятилетней интриги в связи с изданием романа «За правое дело» стала победа Гроссмана. Вопреки стараниям Бубеннова и, разумеется, Суслова.

Да, с 13 февраля 1953 года, когда на фоне «дела врачей» шла в прессе антигроссмановская кампания, очевидной казалась победа Суслова и Бубеннова. Руководство ССП отреклось от автора романа «За правое дело».

Но положение изменилось уже 4 апреля, когда «дело врачей» официально было признано фальсификацией. В мае прекратилась и антигроссмановская кампания. Опала длилась менее четырех месяцев.

Да, Фадееву не пришлось доложить Сталину, что проект ЦК партии – «военная эпопея» – почти реализован именно тем, кого поддерживало руководство ССП. В 1953 году Сталинскую премию Гроссман не получил.

Но и Бубеннов – за второй том романа «Белая береза» – тоже не получил Сталинскую премию. Ее вообще не присуждали после смерти Сталина.

Бубеннов – с агитпроповской помощью – оттеснил Гроссмана, а все равно не выиграл. Утратил прежний статус и Суслов. Организатор кампании «борьбы с космополитизмом» был понижен в должности.

Кстати, Министерством обороны как раз тогда проводилась очередная аттестация офицерского состава, и 22 июля автору романа «За правое дело» – как подполковнику запаса – выдана была вполне комплиментарная характеристика. В личном деле ее копия сохранилась. Кроме прочего, там указывалось: «В настоящее время И.С. Гроссман продолжает активно заниматься литературным трудом, принимает активное участие в общественной жизни Союза советских писателей СССР, является членом Правления Союза советских писателей СССР, членом Комиссии по приему в Союз советских писателей СССР»¹.

Отсюда следует, что Гроссман летом 1953 года – вовсе не гонимый, а вновь авторитетный прозаик. И даже с полномочиями литературного функционера. Неважно, пользовался ли. Главное, что сохранил прежний статус, определявший уровень влияния. И гоночарные ставки, кстати, тоже.

С 1954 года роман «За правое дело» был фактически признан советской классикой. Но функционерам требовалось еще и объяснить, почему же автора так бранили ранее.

Осенью 1954 года статус Гроссмана подтвержден книжным изданием романа «За правое дело». Сам факт выпуска книги еще и подразумевал, что все прежние негативные оценки были ошибочными.

Получилось, что в первую очередь ошибся тот, чья статья обозначила начало антигроссмановской компании: Бубеннов. И ему – в качестве автора романа «Белая береза» – пришлось выслушать много нелестного на II съезде ССП.

В 1955 году вторым книжным изданием романа «За правое дело» было вновь подтверждено, что все претензии к автору деактуализовались. Правда, лишь «по умолчанию». Официально так и не были дезавуированы инвективы, публиковавшиеся с февраля по май 1953 года. Извинения в подобных случаях не предусматривались традициями советской печати.

¹ См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 57.

Компромисс все же нашли. Писательским руководством было направлено в ЦК КПСС представление к ордену Трудового Красного Знамени. Копия документа попала в личное дело Гроссмана².

Довольно высокой была награда. Аналог ордена Боевого Красного Знамени, только не за военные заслуги, а сообразно государственно важным достижениям в какой-либо профессиональной области.

Награждал, понятно, не ЦК партии. Указом Президиума Верховного Совета СССР это оформлялось. Но решения принимались именно там, куда обратилось писательское руководство.

Мнение руководства ССП относительно уместности награды было согласовано в ЦК партии до формального обращения. А иначе сама инициатива не имела бы смысла.

Наградить просили, что называется, по okazji. Это сразу же обозначалось: «12 декабря 1955 года исполнилось 50 лет со дня рождения писателя Гроссмана Василия Семеновича (Иосифа Соломоновича)».

Такая практика награждения к юбилею стала традиционной еще в сталинскую эпоху. «На день рождения» ордена и медали получала элита: функционеры, писатели, ученые, конструкторы, актеры, художники. Но и во второй половине 1950-х годов это было исключением, а не правилом.

Представление к награде следовало обосновать. И руководство ССП ссылалось на мнение того, чей авторитет считался незыблемым: «Литературной деятельностью В. Гроссман начал заниматься в 1934 г. Его первая повесть “Глюкауф” о героях первой пятилетки – шахтерах Донбасса – была положительно оценена А.М. Горьким».

Аргументация развивалась. Удачным объявлен не только дебют: «Значительным произведением советской литературы явился роман-трилогия В. Гроссмана «Степан Кольчугин» (1940). В нем В. Гроссман создал выразительную картину революционной борьбы пролетариата, начиная с кануна революции 1905 г. до начала первой мировой войны. Роман «Степан Кольчугин» получил признание широких масс советских читателей и был переведен на ряд иностранных языков».

Перечислены и военные заслуги. Точнее, относившиеся к военной поре: «С первых дней Великой Отечественной войны и до окончания ее В. Гроссман находился в частях действующей армии как специальный корреспондент газеты «Красная звезда». Корреспонденции, очерки и рассказы В. Гроссмана, опубликованные в центральной и фронтовой печати, такие, как «Сталинград», «Треблинский ад», его талантливая повесть «Народ бессмертен» (1943) вдохновляли советских людей на упорную борьбу с врагом».

Далее речь шла о событиях недавних. Так, сообщалось: «После войны В. Гроссман успешно работает над созданием произведения о беспримерном подвиге советского народа в Великой Отечественной войне. В настоящее время вышла в свет первая книга романа «За правое дело»».

Авторы представления знали, что «первая книга романа “За правое дело”» не «в настоящее время вышла», а тремя годами ранее. Конечно, учитывали, что это известно в соответствующем отделе ЦК партии. Ошибки или обмана не было – в документе лишь подчеркивалось: на исходе 1955 года претензий к Гроссману нет, а все прежние уже признаны неуместными.

Этот тезис и обосновывался. Причем вполне последовательно: «В своих произведениях В. Гроссман обращается к наиболее значительным событиям из истории нашей родины, стремится правдиво показать русского рабочего – борца и создателя социалистического общества».

² См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 51–52.

Отнюдь не случайно упоминание именно о «**русском рабочем**». Памятно было время, когда гроссмановский роман характеризовали как «**антирусский**», вот и подчеркивалось, что это – ошибка.

Затем определен статус награждаемого. Акцентировалось: «В. Гроссман принимает активное участие в работе правления Союза писателей СССР».

Обозначены заслуги именно функционерские. Были, нет ли, главное, что упомянуты. Далее – вывод: «Правление СП СССР ходатайствует о награждении писателя Гроссмана Василия Семеновича (Иосифа Соломоновича) за заслуги в развитии советской литературы – орденом Трудового Красного Знамени».

Представление утверждено 18 января 1956 года. Указ Президиума Верховного Совета СССР опубликован «Правдой» на следующий день: «За заслуги в области художественной литературы и в связи с пятидесятилетием наградить писателя Гроссмана Василия Семеновича (Иосифа Соломоновича) орденом Трудового Красного Знамени»³.

Руководство ССП итог подвело. И баланс. Ответ на погромные рецензии 1953 года – орден Трудового Красного Знамени, врученный Гроссману **прежде всего** «за заслуги в области художественной литературы».

Не Сталинская премия, конечно, так ее уже и не было. Награждение Гроссмана подразумевало, что инцидент исчерпан. Окончательно.

Это было ясно и до награждения. Гроссману фактически вернули статус классика советской литературы. Интервью с ним печатались в периодике, было известно, что он пишет вторую книгу романной дилогии о Сталинградской битве.

Все неудачи и унижения вроде бы остались позади. Берзер в упомянутой выше мемуарной книге подчеркивала, что как своего рода этап давнего знакомства ей запомнились кокетельские встречи с Гроссманом лета 1955 года: «Он улыбался тогда, здоровался издали, весело махал рукой. Я со стороны смотрела на него: высокий ясный лоб, за очками синие глаза, черные волнистые волосы зачесаны назад... Он был ровен, казалось – счастлив и спокоен. Я знала, что он пишет новый роман. И печать счастья, творчества и творческого покоя лежала на его лице. Он казался здоровым, загорелым и молодым. На фоне кокетельского синего моря и сказочных гор его прекрасные синие глаза казались особенно синими. Этот синий свет не угасал до последних минут жизни. Очки круглые были частью его лица. А рот нес страдание – рот библейских мучеников и мудрецов. И улыбка тоже».

Не исключено, что двойственное впечатление не столько запомнилось в 1955 году, сколько позже сложилось – по итогам осмысления писательской судьбы. Трагических событий уже не столько прошлого, сколько будущего. Почти тридцать пять лет спустя Берзер, подобно другим мемуаристам, создавала гроссмановский биографический миф.

Допустимо, что впечатление и впрямь было двойственным. Как мироощущение самого Гроссмана. Внешне – «печать счастья, творчества и творческого покоя», но прошлое не прошло бесследно, и «новый роман» ожидали все те же цензурные препоны.

Судя по формальным признакам, Гроссман выиграл, а реально – проиграл: он вышел победителем из очередной литературно-административной интриги, зато как писатель оказался побежденным.

Еще в юности он принял социалистическую идеологию. Но ей не соответствовала практика – государственный террор. С этим пришлось мириться, точнее смириться. Гроссман, подобно миллионам советских граждан, привыкал к атмосфере постоянного страха. От большинства отличался тем, что унижение осознавал – в том числе и от антисемитских кампаний. Прагматику их понимал еще на исходе 1920-х годов, хотя его лично они не касались.

³ См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении писателя Гроссмана В.С. орденом Трудового Красного Знамени // Правда. 1956, 19 янв.

Однако «делом врачей» Гроссман был унижен, как никогда прежде. Среди прочих и его фамилия под «Обращением еврейской общественности», где признавалась доказанность обвинений и уместность расправы с обвиняемыми.

Подчеркнем еще раз: документ, подготовленный в аппарате ЦК КПСС и отправленный на утверждение Маленкову 29 января 1953 года, не был тогда опубликован. Аналогично и другой вариант, заверченный через три недели. Сама идея утратила актуальность. Но суть не изменилась – для Гроссмана. Он не мог не понимать, что вместе с другими представителями советской элиты одобрил убийство заведомо невиновных. Согласился принять сторону палачей, а не жертв.

Теоретически у него была возможность отказаться. Практически – нет. Многократно возросла бы вероятность ареста, причем всей семьи тоже. По меркам 1953 года хватало оснований: Гроссман не раз указывал в анкетах, что еще до Первой мировой войны одна из сестер матери стала гражданкой Аргентины, отцовская же в Болгарию уехала⁴.

Он знал, что наличие родственников за границей – опасность для гражданина СССР. По административной логике сталинской эпохи прежние контакты с эмигрантами могли быть истолкованы как шпионаж. Доказательства не требовались, довольно было признаний, и добиваться их следователи МГБ умели. Но скрывать известное, например, в Бердичеве – тоже риск. Оставалось лишь надеяться, что не воспользуются недоброжелатели сведениями о «заграничных связях».

Надо полагать, воспользовались бы, отклони Гроссман предложение ЦК КПСС. Трактовали бы это как обусловленную «заграничными связями» попытку содействия «врачам-вредителям». Припомнили бы и ссыльную кузину, и расстрелянных друзей. Тогда бы он непременно попал в категорию «безродных космополитов», пособников иностранных разведывательных служб. Последствия легко угадывались.

Очередным унижением была погромная кампания в связи с романом «За правое дело». Ее антисемитскую прагматику организаторы не маскировали – порою даже акцентировали. И последствия могли бы оказаться весьма серьезными. А тут еще и угроза депортации.

Правда, итог – орден Гроссману. К юбилею, но и по заслугам. В Российской империи так награждали чиновников – «за двадцать лет беспорочной службы».

Орден вручали побежденному, которого объявили победителем.

Гроссман не мог не осознавать свое поражение. С юности он хотел стать писателем, оказался же служащим по ведомству литературы.

⁴ См. напр.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 1658. Л. 55.

Итоги поражения

14 февраля 1956 года в Москве начался XX съезд КПСС, завершившийся через одиннадцать дней. Как известно, сенсацией тогда стал доклад Хрущева «О культе личности и его последствиях».

Подготовка XX съезда партии заняла почти три года. Смерть едва ли не обожествленного Сталина обозначила новый период истории советского государства.

К марту 1953 года социалистическая империя оказалась буквально на вершине могущества. Нацистская Германия была побеждена и половина Европы, по сути, контролировалась Сталиным.

Но это – с одной стороны. А с другой, положение Советского Союза было критическим. Против него ополчились почти все недавние союзники: шла «холодная война».

Меж тем сельское хозяйство оставалось в упадке. Так называемая «колхозная деревня» голодала. До обещанного изобилия далеко было и в городах. Все ресурсы страны уходили на военные нужды.

Экономический кризис усугублялся идеологическим. Вопреки обещаниям, государство справедливости не удалось создать. Равенства не было. Никакого.

Вместо имущественного равенства – несопоставимость бытовых условий элиты и большинства граждан. Принцип отказа от этнической дискриминации был, по сути, погран антисемитскими кампаниями и депортациями целых народов.

Ко всему прочему, миллионы советских граждан – в лагерях и тюрьмах. Угроза ареста была актуальна и для сталинского окружения. Генсек явно готовил очередную смену элиты, что подтверждалось «делом врачей». А в стране одна пропагандистская кампания следовала за другой, все более нагнетая военную истерию. Третья мировая война становилась все ближе – теперь уже атомная.

Но Сталин умер, и его преемники спешили изменить ситуацию. Символом перемен должен был стать XX съезд партии в 1956 году.

К этому времени в советской прессе и официальных документах понятие «культ личности» стало политическим термином. С июня 1953 года так обозначали многолетнюю кампанию восхваления Сталина. Идеологи еще не решались объявить самого генсека ее инициатором, вот и понадобился эвфемизм. Выбрали довольно неуклюжий, зато и суть была понятна, и появилась возможность не упоминать прежнего лидера⁵.

Хрущев нарушил это правило. Инкриминировал Сталину не только истерию самовосхваления, но и организацию фальсифицированных процессов второй половины 1930-х годов, и узаконенную практику истязаний подсудимых, и преступную самонадеянность, обусловившую поражения в начале Великой Отечественной войны, и неоднократно проводившиеся депортации по этническому критерию, и «дело врачей», да и вообще измену базовым установкам марксизма. Соответственно, большинством высших функционеров было решено не печатать доклад, объявить его секретным. Первая советская публикация в прессе – лишь в 1989 году, когда шла очередная кампания «разоблачения культа личности»⁶.

Однако уже весной 1956 года Хрущев добился иной формы обнародования. По всем учреждениям, предприятиям и прочим организациям на открытых партийных собраниях,

⁵ Подробнее см.: *Фельдман Д.М.* Терминология власти: Советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: Форум: Неолит. 2015. С. 15–56.

⁶ Политбюро ЦК КПСС. О культе личности и его последствиях // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–170.

куда приглашали всех сотрудников, доклад читали вслух так называемые читчики, назначенные районными или городскими комитетами партии.

Ограничения были несущественны и трудноконтролируемы: слушателям запрещалось что бы то ни было записывать или обсуждать как во время собрания, так и после. Но реально доклад обсуждали по всей стране.

Создана была лишь видимость секретности. Даже если бы на партийные собрания не пришел ни один беспартийный, все положения доклада стали бы широко известны.

К антигроссмановской кампании доклад имел непосредственное отношение. Новый лидер характеризовал «дело врачей» как «позорное».

Так Хрущев обозначил антисемитскую прагматику «дела врачей». Соотнес ее с тем, что именовал «грубым попранием основных ленинских принципов национальной политики Советского государства».

Вполне прозрачным был намек – для современников. Бубенновские инвективы, а заодно и все им подобные, оказались противоречащими актуальному политическому контексту. Применительно же к положению Гроссмана это подтверждало уместность новой публикации романа «За правое дело». И в 1956 его выпустило издательство «Советский писатель»⁷.

Гроссман уже давно был в литературной элите. Всесоюзно знаменитый писатель и журналист, классик советской литературы, что подразумевало высокие гонорарные ставки.

Отметим, что к началу 1950-х годов за авторский лист – сорок тысяч печатных знаков – платили **в среднем** три тысячи рублей. Классикам советской литературы – **высшая ставка**, т. е. почти в полтора раза больше. Переиздания же приносили от пятидесяти до шестидесяти процентов начального гонорара.

Соответственно, ежегодные доходы некоторых литераторов порою превышали **миллион рублей**. Из-за чего в ЦК партии не раз обсуждался вопрос о необходимости введения прогрессивного налога. Однако до подобного рода ограничений не дошло – пропагандистская элита⁸.

Гонорарные суммы уместно сравнить с доходами и расходами обычных советских граждан. Тут следует учесть, что средняя месячная заработная плата тогда – шестьсот пятьдесят рублей. Мужские ботинки стоили примерно триста рублей, зимнее женское пальто с меховым воротником обходилось в 700 рублей⁹.

Гроссману каждое переиздание романа «За правое дело», объем которого превышал тридцать авторских листов, приносило не менее четырехсот тысяч рублей. Очередной выпуск «Степана Кольчугина» – почти в полтора раза больше.

Все публикации романа «За правое дело» по-прежнему лоббировало руководство ССП. Можно сказать, что Гроссману – по сумме гонораров за книжные издания – неоднократно компенсировали неполученную Сталинскую премию. Даже и первой степени.

Писательское начальство, санкционируя переиздания, демонстрировало всем: инцидент, обусловивший антигроссмановскую кампанию 1953 года, исчерпан. Окончательно.

Разумеется, причина благоволения не только и не столько в том, что литературные функционеры пытались загладить свою вину. Сталинский проект – «военная эпопея» – оставался политически актуальным и после нового раздела власти в партийной элите, а Гроссман был самым перспективным из прозаиков.

В этом аспекте характерно суждение И.П. Золотусского. Маститый критик постулировал в предисловии к очередному советскому изданию романа «Жизнь и судьба»: «Сразу

⁷ Гроссман В. С. За правое дело. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1956.

⁸ См.: Бузин Д. Александр Фадеев: Тайны жизни и смерти. М.: Алгоритм, 2008. С. 119–140.

⁹ См.: Лурье Л., Малярова И. 1956 год: Середина века. СПб: Нева, 2007. С. 344–347.

после 1945 года заговорили о том, что нужна современная «Война и мир». Считалось, что масштаб события этого заслуживает. Но не о масштабе политическом шла речь. Имелась в виду идея охвата всей войны, ее корней и последствий, ее ядра и периферии»¹⁰.

Золотусский не вполне точен, ведь ему лишь пятнадцать лет исполнилось в 1945 году. Еще двумя десятилетиями ранее литераторы обсуждали возможность создания эпопеи гражданской войны, что уже отмечалось. Да и «масштаб политический» – условие всегда обязательное в СССР. Однако в главном Золотусский прав. Сам проект «военной эпопеи» стал особенно актуальным со второй половины 1940-х годов. И десятилетие спустя не утратил актуальность.

Частично задачу создания «военной эпопеи» решил Гроссман. В каждом издании романа «За правое дело» указывалось, что публикуется лишь первая книга. Читательский успех ее был несомненным, причем не только в СССР. Планировалась и продолжение. Вот почему автора поощряли всеми доступными средствами. Заботились о его престиже, обеспечивали максимально комфортные условия работы. Точнее, выполнения того, что считалось тогда «социальным заказом».

Подчеркнем еще раз: опала Гроссмана длилась менее четырех месяцев. А затем он вновь «обласкан властью», обозначившей таким образом, что обиды следует забыть и служить по-прежнему верно.

Кстати, пафос хрущевского доклада – верность. Преступления же, совершавшиеся правящей элитой, предложено считать лишь последствиями «культ личности».

С учетом сказанного можно отметить, что XX съезд КПСС не повлиял на политические взгляды Гроссмана: в хрущевском перечне злодейств не было таких, о которых не знал бы или не догадывался.

В феврале 1956 года Хрущев официально подвел итоги сталинской эпохи. Закончилась же она гораздо раньше, и для Гроссмана ее окончание подразумевало, что можно не опасаться ареста в любой момент. Страх отступал. Тем яснее становилась мера пережитых унижений.

Ни одна его публикация не обошлась без цензурного вмешательства. Тотальный контроль и редакторский произвол предусматривались негласными правилами. Изначально приняв их, Гроссман многократно пережил унижения компромиссами. Сталинская эпоха закончилась, но в хрущевском докладе не ставилась проблема отмены партийной цензуры. Это и означало, что все книги романа о войне будут исковерканы, как первая.

Устранить произвол Гроссман не мог. Однако попытался избавиться хотя бы от самоцензуры. Характеризуя роман «Жизнь и судьба» в упомянутых выше мандельштамовских дефинициях, следует признать: он не относится к «разрешенной» литературе. Наоборот, соответствует критериям «написанной без разрешения».

Кстати, проблема игнорирования официального идеологического дискурса рассматривается в романе «Жизнь и судьба». Отношение к ней выражено суждениями физика-атомщика Штрума, alter ego автора.

Так, замечание относительно противоречия современных научных концепций основам марксизма ученый парировал с опасной иронией. Заявил, что «физике нет дела, подтверждает ли она философию»¹¹.

Штрум и сам напуган своей дерзостью. Фразу, произнесенную сгоряча, недоброжелатель может интерпретировать как «антисоветскую пропаганду», случаев подобного рода немало. Однако выясняется, что мнение обиженного ревнителя идеологии уже не сыграл

¹⁰ См.: Золотусский И. Война и свобода // Гроссман В. С. Жизнь и судьба. Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. С. 3.

¹¹ Гроссман В. С. Жизнь и судьба. М.: Книжная палата, 1989. С. 440.

никакой роли. Для решения военных задач нужны работы физика, он стал неприкосновенным, и функционерам приходится с этим смириться.

Отметим, что проблема игнорирования официального идеологического дискурса рассматривается и в булгаковской повести «Собачье сердце». Преуспевающий московский хирург Преображенский дерзит функционерам нижнего звена, да еще и рекомендует своему ассистенту не читать советские газеты. На недоуменное же замечание относительно того, что других нет, отвечает: «Вот никаких и не читайте»¹².

Преображенский тоже неприкосновенен. Он, в отличие от Штрума, осознает это и постоянно использует преимущества такого статуса. Здоровье представителей высшей партийной элиты зависит от хирурга-уника, вот ему и позволительна аполитичность.

И Преображенский, и Штрум – лишь представления литераторов о возможностях самоизоляции от режима. Так сказать, проекции мечты на литературу. Врач Булгаков считал надежной защитой статус хирурга-уника, а химик Гроссман полагал, что надежно защищены создатели атомного оружия. Но при всех сюжетных различиях варианты тождественны на уровне формализации: неприкосновенность уникального специалиста, от которого зависят влиятельные функционеры или же государство в целом. Уровень безопасности определяется масштабами влияния покровителя. О свободе и речи нет.

Теоретически допустимо, чтобы деятельность уникального специалиста в естественной области не регулировалась партийными директивами. Но применительно к литературе такое недопустимо и в теории. Советский писатель сталинской эпохи прилежно читал газеты, потому что там была отражена воля правительства, вне которой заведомо исключалась профессиональная реализация¹³.

Гроссман как писатель формировался именно в сталинскую эпоху. Потому не мог не понимать: роман, где игнорируется официальный идеологический дискурс, не будет опубликован. И все же продолжал работу. На что надеялся – можно лишь догадываться. Гипотезы строить.

Самая простая – счет унижений оказался слишком велик. Потому Гроссману и понадобилось вновь почувствовать себя писателем, а не служащим по ведомству литературы. Заботы же о публикации отложил до завершения второй книги романа. Оставалось еще несколько лет – немалый срок, если речь идет о свободе от постылой самоцензуры.

Нет оснований сомневаться: Гроссман осознавал, что угроза возникнет, как только рукопись книги окажется в редакции. Однако после XX съезда парии арест был маловероятен. В крайнем случае – обсуждение крамольного романа литературными функционерами и запрет публикации.

Кампания травли в масштабе 1953 года практически исключалась. Подобного рода скандалы стали неуместными, значит, из ССП тоже вряд ли бы исключили. Ну, возможно, переиздавали бы не так часто, доходы стали бы меньше.

В 1956 году такие прогнозы Гроссман мог бы считать оптимистичными. Получалось, что под угрозой только привилегии да уровень жизни семьи.

Но семьи как таковой у Гроссмана уже не было. Распалась.

Липкин в мемуарах рассказывал об этом, не обозначая хронологические рамки событий. Рассуждал лишь о причинах: Гроссман, «например, считал, что его мать, погибшая в бердичевском гетто, осталась бы жива, если бы Ольга Михайловна незадолго до войны не воспротивилась бы тому, чтобы мать приехала к ним в Москву, и та вынуждена была навсегда расстаться с сыном».

¹² См.: Булгаков М. А. Собачье сердце // Грани. 1968. № 69. С. 24.

¹³ См. подробнее: Одесский М. П. Авангард и советская пресса. Случай Даниила Хармса // Одесский М. П. Четвертое измерение литературы. М.: РГГУ, 2011. С. 410–429.

Трудно судить, насколько версия мемуариста близка к истине. В письмах отцу Гроссман сообщал, что хотел бы перевезти мать из Бердичева.

Однако сначала было некуда – сам жил у родственников. А когда доходы выросли, так вскоре новая семья появилась, вот и ждал, пока ССП квартиру предоставит.

На исходе 1930-х годов располагал вроде бы достаточно просторным жильем и все же решение вопроса о переезде откладывал, лишь посылал матери деньги. Потом война началась.

Действительно ли Губер перед войной «воспротивилась» переезду свекрови, нет ли, Гроссман в первую очередь винил себя. И, видимо, не это стало причиной распада семьи.

Липкин – в цитированных выше мемуарах – ситуацию характеризовал по обыкновению невнятно. Порассуждав о гроссмановских претензиях, добавил: «Но я думаю, что Ольга Михайловна была ему неплохой женой. Все дело в том, что он разлюбил ее и полюбил другую».

Допустим, «разлюбил ее и полюбил другую». А когда это произошло и что дальше было – все равно непонятно.

Ситуацию характеризовала и дочь писателя в уже цитированном интервью журналу «Лехаим». По ее словам, семья отца распалась ко второй половине 1940-х годов. Конфликты же были и раньше.

Более подробно ситуация описана в интервью с корреспондентом газеты «Мир новостей». Оно напечатано 9 января 2013 года – под заголовком «Екатерина Короткова-Гроссман: «С отцом мои отношения были доверительными»»¹⁴.

К 1955 году она успела закончить английское отделение Харьковского института иностранных языков, несколько лет преподавала в средней школе. Затем переехала в Москву. Там поступила на работу в Библиотеку иностранной литературы, стала переводчицей. С отцом встречалась довольно часто. Однажды Гроссман спросил, уместно ли его считать старым – «ему уже было за 50. Я ему отвечаю: “Старый, конечно”. Я-то тогда совсем молоденькой была. Сказала не подумав. Он расстроился и говорит мне: “Ну, все-таки у меня средний возраст”. Я обрадовалась этому слову – “средний”. Головой закивала. А потом он мне так загадочно заявляет: “Как ты думаешь, у меня еще может быть роман?”, имея в виду романтические отношения. Потом обнаружилось, что он уходит к жене Николая Заболоцкого, Екатерине Васильевне. Его вторая жена, Ольга Михайловна была человеком твердым, жестким. А Екатерина Васильевна – прямая противоположность: добрая, мягкая, дружелюбная».

Значит, к 1956 году планировался новый брак. В связи с чем Гроссман и просил ССП о предоставлении так называемого рабочего кабинета. Получил, но это была лишь комната, по словам дочери – «12 метров. Там иногда втроем ютились: я, отец, Екатерина Васильевна».

Для большинства московских семей и такие условия тогда – удача. Гроссман, разумеется, мог бы добиться большего, но пришлось бы ждать дольше. У него двухкомнатная квартира, а вскоре должен был получить новую, трехкомнатную. По тем временам – вовсе роскошь.

Он по-прежнему содержал жену и ее сына, уже получившего высшее образование. Все-таки прожили вместе двадцать лет.

Дочь опять приняла выбор отца. Но специфику новой ситуации отметила: «С Ольгой Михайловной он так и не развелся. В общем, было сложное сплетение отношений. Екатерина Васильевна то уходила, то возвращалась. Если какие-то официальные приемы, то все это проходило у Ольги Михайловны. Я думаю, дамы между собой договорились, как им себя вести».

¹⁴ См.: Короткова-Гроссман Е. В. «С отцом мои отношения были доверительными» // Мир новостей. 2013, 9 янв.

Пусть и «договорились», прежней семьи не было, новой тоже. К весне 1956 году рисковал бы Гроссман только статусом классика советской литературы. Вероятно, не считал эту потерю непомерно большой.

Контекст негласного запрета

Уместно подчеркнуть еще раз: Гроссман задумал написать вторую часть романной дилогии «без разрешения» отнюдь не потому, что был опальным и гонимым. О бедности тоже нет речи.

Гроссман тогда преуспевал. Первая часть романной дилогии была признана классикой советской литературы, что подтверждалось динамикой публикаций.

Однако на уровне осмысления романа еще не были, так сказать, расставлены акценты. По советской традиции надлежало объяснить читателям, за что Гроссмана бранили раньше.

Задача объяснения была достаточно сложной. Требовалось определить хоть какие-то причины, избегая возвращения к теме антисемитских кампаний.

Компромисс найден уже после XX съезда КПСС. В этом аспекте характерна интерпретация скандала, предложенная И.П. Вишневским. Без преувеличения образцом мастерского ухода от нежелательной темы можно назвать статью критика «Роман В. Гроссмана “За правое дело”». Она стала главой в сборнике работ о военной прозе¹⁵.

Согласно Вишневскому, ничего экстраординарного в 1953 году не произошло. Одни критики роман хвалили, другие бранили, дело обычное. Но вот и пора итоги подвести: «Теперь, когда страсти улеглись, можно сказать, что как поклонники этого произведения, так и его порицатели, очевидно, имели основания и для восхваления, и для хулы».

Даже Бубеннов, если верить Вишневскому, ошибся не во всем. Какие-то его соображения обоснованны. В частности, Гроссман недостаточно уделил внимания солдатам, не вполне убедительно изображены некоторые командиры и комиссары.

Но, по Вишневскому, ошибся Бубеннов в главном. Акцентировалось: Гроссман «правильно раскрывает в романе “За правое дело” перспективы войны, показывает ее всенародный характер, подчеркивает организующую и направляющую роль Коммунистической партии».

Беспочвенными, по словам Вишневского, были и обвинения в клевете на армию. Речь шла о катастрофе 1941 года: «Повествуя о первом этапе войны, В. Гроссман не преувеличивает сил противника, но и не преуменьшает опасности».

Необоснованными, согласно Вишневскому, были и обвинения в искажении «образов советских людей». Напротив, утверждал критик, Гроссман – реалист, «он рисует характеры людей, события, избегая нарочитой героизации, показного молодечества».

В итоге Гроссман был оправдан. И обвиняемыми стали его не в меру азартные оппоненты. Логически уместным оказалось бы указание причин, обусловивших столь ожесточенные нападки на роман. Однако Вишневскому объяснять это не позволялось.

Надо полагать, он знал, что взялся за неразрешимую задачу. Решить, понятно, не сумел, но главное сделал: была создана видимость решения.

По этому пути шли другие критики и литературоведы, писавшие о Гроссмане в дальнейшем. Кому-то Вишневский подсказал уловку, кто-то сам нашел ее эмпирически, существенно же, что другие пути были запретными.

Упомянул Вишневский и о продолжении романа «За правое дело». Оно, по словам критика, вполне уместно: «Начало сделано неплохое. Его обязательно надо продолжить».

¹⁵ Здесь и далее цит. по: Вишневский И. П. Роман В. Гроссмана «За правое дело» // Вишневский И. П. Этих лет не смолкнет слава. Львов: Кн. журн. изд., 1958. С. 44–72.

Гроссман, разумеется, продолжал. Имел возможность не заботиться о заработке постоянно. В 1958 год опубликован еще один сборник очерков, повестей и рассказов – воениздатовский¹⁶.

Объем сборника превышал тридцать авторских листов. Даже с учетом того, что почти все было опубликовано ранее, Гроссман получил не менее четырехсот тысяч.

Предисловие к сборнику написал Левин. Это довольно пространная статья, озаглавленная «Василий Гроссман»¹⁷.

Автор предисловия тоже полемизировал с участниками антигроссмановской кампании 1953 года. Явно и неявно. Прежде всего, доказывал, что роман – именно эпопея: Гроссман «сделал своим героем народ и правду о нем»¹⁸.

Фактически Левин по пунктам отвергал все тезисы, что были выдвинуты Бубенновым и другими противниками Гроссмана. Но, как Вишневский, не имел возможности описать причины, обусловившие кампанию 1953 года.

С точки зрения самой возможности продолжения романа такие объяснения были и не нужны. Гроссман приступил ко второй части диалогии весной 1952 года, о чем официально и сообщал руководству ССП.

Правда, скандал 1953 года работу прервал, затем Гроссман занимался подготовкой нового издания первой части диалогии, что тоже потребовало немало времени.

Однако уже в 1955 году вторая часть диалогии была главной задачей. А роман «За правое дело» переиздавался, и это избавляло автора от хлопот о постоянном заработке.

Нет оснований предполагать, что Гроссман уже тогда планировал несанкционированную иностранную публикацию. Жизненный опыт исключал бы такой план – как суицидальную попытку.

Выше отмечено, что советской издательской моделью изначально подразумевалась монополизация издательской области. К 1920 году почти все частные издательства и периодические издания были закрыты, и большинство писателей лишилось заработка. Выбор – служить за паек советскому правительству, либо менять профессию. Это и констатировал Е.И. Замятин, статью которого опубликовал в первом номере 1921 года один из немногих уцелевших кооперативных петроградских журналов – «Дом искусств». Заголовок был полемический: «Я боюсь»¹⁹.

Речь шла о писательском быте и характере его изменений. Согласно Замятину, государству, ставшему главным покупателем литературной продукции, требовалась гипертрофированная советскость, и спрос готовы были удовлетворить не талантливые, а «юркие авторы».

Замятин не отрицал, что энтузиасты тоже были. Но тон задавали «юркие». Они «давя друг друга и брыкаясь, мчатся в состязании на великолепный приз: монопольное право писания од, монопольное право рыцарски швырять грязью в интеллигенцию».

Те, кто не желали приспособиться, лишились права на публикации. Соответственно, Замятин утверждал, что писатель, «который не может стать юрким, должен ходить на службу с портфелем».

Ничего подобного не прогнозировалось даже при самодержавии. Потому, заключал автор, «я боюсь, что у русской литературы одно только будущее: ее прошлое».

Другому бы писателю, даже и знаменитому, дерзость обошлась бы дорого. Но Замятин большевиком стал еще в 1905 году, прошел тюрьму, ссылку и хоть политическую деятель-

¹⁶ Гроссман В. С. Повести. Рассказы. Очерки. М.: Воениздат, 1958.

¹⁷ Левин Ф. М. Василий Гроссман. Предисловие // Гроссман В. С. Повести. Рассказы. Очерки. М.: Воениздат, 1958. С. 3–14.

¹⁸ Здесь и далее цит. по: Левин Ф. М. Указ. соч.

¹⁹ Здесь и далее цит. по: Замятин Е. И. Я боюсь // Замятин Е. И. Избранные произведения. М.: Советская Россия, 1990. С. 403–406.

ность прекратил, связи остались. Его и раньше арестовывали чекисты, выручали же влиятельные функционеры²⁰.

Ответить Замятину решено было в печати. Дискуссия не удалась: большевистские публицисты ничего, по сути, оспорить не сумели. Аргументация свелась к попыткам объявить автора недальновидным и вообще нелояльным советской власти. Ограничились «выражением неудовольствия»²¹.

Правда, литературная ситуация вскоре стала иной. Началась эпоха нэпа, открывались частные издательства, государственные тоже ориентировались на прибыль, соответственно, писатели могли выбирать заказчиков. Даже цензура, став централизованной, несколько смягчилась.

Более того, советское правительство заигрывало с эмиграцией. Провоцировались конфликты в среде противников нового режима, и беженцев, готовых примириться с ним, привлекали различными способами²².

Литература играла особо важную роль. Практиковались негласные субсидии дружественным или хотя бы невраждебным эмигрантским издательствам и периодическим изданиям. Советским писателям там не запрещалось печататься, эмигрантов тоже публиковали на родине²³.

В 1923 году многие литераторы – эмигранты и граждане СССР – еще надеялись, что впереди перемены к лучшему. Как раз тогда Гроссман и переехал из Киева в Москву. Литература уже была в сфере его интересов. Однако шесть лет спустя частные издательства закрывались под различными предлогами, и цензура становилась все более строгой. Ситуация возвращалась к донэповской, характеризованной Замятым.

Неизвестно, знал ли Гроссман о скандале, обусловленном статьей «Я боюсь». Однако не мог не помнить другой, гораздо более масштабный, именовавшийся «делом Пильняка и Замятина»²⁴.

Формально скандал начался 26 августа 1929 года. В этот день «Литературная газета» поместила статью рапповца Б.М. Волина «Недопустимые явления»²⁵.

Речь шла об изданиях за границей повести Пильняка «Красное дерево» и романа Замятина «Мы». Стоит подчеркнуть еще раз: иностранные публикации советских писателей, даже и в эмигрантских издательствах, были тогда вполне обычны. Политическая оценка на родине зависела от содержания опубликованного.

Отметим, что в СССР иностранных писателей могли издавать без ограничений: соответствующие конвенции не были подписаны, и вопросы гонораров решались произволом издателей. Аналогично и за границей защита прав советских писателей не гарантировалась. Впрочем, там случаи нарушений были единичными.

Разумеется, советские писатели относились весьма осторожно к предложениям иностранных, тем паче эмигрантских, издателей. Памятуя о специфике уголовного законодательства, лишь то и публиковали, что было б нельзя интерпретировать как «антисоветскую агитацию».

²⁰ См., напр.: *Файман Г.* «И всадили его в темницу...». Замятин в 1919, в 1922–1924 гг. // Новое о Замятыне. Сборник материалов. М.: МИК, 1998. С. 78–88; *Галушкин А. Ю.* Письмо Е. Замятина А. Воронскому: К истории ареста и несостоявшейся высылки Замятина в 1922–1923 гг. // *De Visu*. 1992. № 0 («нулевой»). С. 12–23; см. также: *Михайлов О.* Гроссмейстер литературы // Замятин Е. И. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-Книга, 2011. С. 1231–1254.

²¹ См. подробнее: *Галушкин А. Ю.* «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятыне. Сборник материалов. М.: МИК, 1998. С. 89–146.

²² См., напр.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-PRESS, 1980. С. 201–223.

²³ См., напр.: *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 15–49; 191–246.

²⁴ Подробнее см.: *Галушкин А. Ю.* «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятыне. М.: МИК, 1997. С. 89–148.

²⁵ *Волин Б. М.* Недопустимые явления // Литературная газета. 1929, 26 авг.

Но Волин предложил другой критерий. Объявил преступлением сам факт сотрудничества с эмигрантами: «Борис Пильняк напечатал свой роман «Красное дерево» в берлинском издательстве «Петрополис». Как мог Пильняк этот роман туда передать? Неужели не понимал он, что таким образом входит в контакт с организацией, злобно враждебной Стране Советов?».

Вопрос риторический. Далее Волин утверждал: «Пильняк напечатал роман за границей, потому как не нашлось «оснований к тому, чтобы это произведение было включено в общий ряд нашей советской литературы».

Аналогичное обвинение выдвигалось и против Замятина. Статья заканчивалась призывом: «Мы обращаем внимание на этот ряд совершенно неприемлемых явлений, компрометирующих советскую литературу, и надеемся, что в их осуждении нас поддержит вся советская общественность».

За статьей Волина – буквально шквал выступлений в печати. А первую полосу следующего номера «Литературной газеты», вышедшего 2 сентября, открывали аннотации статей, походившие, скорее, на лозунги: «Против буржуазных трибунов под маской советского писателя», «Против переключки с белой эмиграцией», «Советские писатели должны определить свое отношение к антиобщественному поступку Пильняка»²⁶.

В печати бранили главным образом Пильняка, а Замятина даже не каждый раз упоминали. Это обусловлено различиями на уровне литературно-политического статуса каждого из писателей.

Репутация автора повести «Красное дерево» формировалась с начала 1920-х годов. Лишь тогда он стал знаменитостью и оказался в гуще политических интриг: на его успех ссылались критики, отстаивавшие литературную доктрину Троцкого, рапповские же буквально травили. Но, вопреки стараниям напостовцев, Пильняк считался писателем именно и только советским. Он сам постоянно акцентировал это в интервью²⁷.

Вот почему критики и обвиняли Пильняка в лицемерии. Даже в предательстве. Ну а Замятину инкриминировать такое было бы странно. Он стал знаменитостью в досоветский период, о своих разногласиях с новым режимом не раз заявлял открыто. Писателем советским его обычно именовали с оговорками. А порою называли даже «внутренним эмигрантом».

Отсюда различия тональности и, конечно, частотности нападок. Характерна в этом аспекте статья Маяковского «Наше отношение». Ее поместила «Литературная газета» 2 сентября²⁸.

Маяковский сразу обозначил специфику дискурса. Отметил с иронией: «Повесть о «Красном дереве» Бориса Пильняка (так, что ли?), впрочем, и другие повести и его, и многих других, не читал».

Получается, что рассуждал о непрочитанном. И акцентировал уместность такого подхода именно в данном случае: «К сделанному литературному произведению отношусь как к оружию. Если даже это оружие надклассовое (такого нет, но, может быть, за такое считает его Пильняк), то все же сдача этого оружия в белую прессу усиливает арсенал врагов».

Далее следовал главный вывод. Разумеется, обвинение: «В сегодняшние дни густеющих туч это равно фронтовой измене».

Маяковский все же смягчил инвективу. Оговорил, что публикация могла быть обусловлена и ошибкой Пильняка в оценке «классовости».

²⁶ См.: Литературная газета. 1929, 2 сент.

²⁷ См. подробнее: Киянская О. И., Фельдман Д. М. Очерки истории русской советской литературы и журналистики 1920-х–1930-х годов. Портреты и скандалы. М.: Форум, 2015. С. 113–119.

²⁸ Маяковский В. В. Наше отношение // Литературная газета. 1929, 2 сент.

Но оговорка не меняла суть. В том же номере «Литературной газеты» секретариат РАПП обратился «ко всем писательским организациям и одиночкам – с предложением определить свое отношение к поступкам Е. Замятина и Б. Пильняка»²⁹.

Каждому литератору надлежало высказаться – в печати, либо на собрании какой-либо писательской организации. Рапповцы настаивали, что жизнь «формулирует перед попутчиками вопрос резко и прямо: либо за Пильняка и его покровителей (sic! – Ю. Б-Ю., Д. Ф.), либо против них».

Это и означало, что не высказавшиеся «против» будут рассматриваться как пособники обличаемых. Последствия легко угадывались.

Скандал обсуждался во многих изданиях. Так, 20 сентября критико-библиографический журнала «Книга и революция» опубликовал другую волинскую статью под еще более агрессивным заголовком «Вылазки классового врага в литературе»³⁰.

В журнале «Земля Советская» развивал эти тезисы И.А. Батрак. Прагматику его статьи тоже обозначал заголовок: «В лагере попутчиков»³¹.

Контекст подсказывал, что лагерь – едва ли не вражеский. С этим вполне коррелировала оценка публикаций Замятина и Пильняка: «Здесь примерно шахтинское дело литературного порядка».

Истерия стремительно нарастала. Три года спустя Замятин вспоминал, что «Москва, Петербург, индивидуальности, литературные школы – все уравнилось, исчезло в дыму этого литературного побоища. Шок от непрерывной критической бомбардировки был таков, что среди писателей вспыхнула небывалая психическая эпидемия: эпидемия покаяний».

В первую очередь заявил о своем раскаянии Пильняк. Формально и был после этого прощен властью – до поры. Замятин же пытался оправдываться, но в итоге при посредничестве Горького добился разрешения на выезд за границу.

Истерия в «деле Пильняка и Замятина» пошла на убыль только в конце октября 1929 года. Партийное руководство, не оспаривая рапповские оценки заграничных публикаций, объявило, что в ходе кампании были допущены некоторые «перегибы».

Таковыми признали, главным образом, проявления рапповской агрессивности по отношению ко всем «попутчикам». Проблема эта и ранее обсуждалась в периодике. Вину же за «перегибы» традиционно возложили на исполнителей.

Но «перегибы» были не более, чем зарнее планировавшимися издержками тщательно продуманной пропагандистской кампании... Выбор объектов травли также был отнюдь не случайным.

Еще раз подчеркнем: если Пильняк считался писателем именно и только советским, то Замятин – не вполне. В указанном диапазоне мог бы найти свое место любой «попутчик», вот и урок получили все сразу. И каждый уяснил, что несанкционированная иностранная публикация – вне зависимости от содержания – рассматривается как диверсия, «вредительство».

Подход вполне понятный, если учитывать специфику издательской модели. Советскому писателю надлежало получать гонорары лишь в контролируемых правительством организациях. Конкуренция отечественных издателей с иностранными не предусматривалась. Именно для этого и была вновь монополизирована печать на исходе 1920-х годов. Коль так, несанкционированные заграничные публикации – способ обретения финансовой неза-

²⁹ См.: Против буржуазных трибунов под маской советского писателя. Против переключки с белой эмиграцией. Советские писатели должны определить свое отношение к антиобщественному поступку Б. Пильняка // Там же.

³⁰ См.: *Волин Б.* Вылазки классового врага в литературе // Книга и революция. 1929. № 18. С. 4–7.

³¹ *Батрак И.* В лагере попутчиков // Земля Советская. 1929. № 10. С. 44–46.

висимости посредством нарушения государственной монополии. Что и следовало исключить.

Конечно, рапповские лидеры планировали не только пресечь сложившуюся практику несанкционированных иностранных публикаций. Главная цель – подготовка новой резолюции ЦК партии о политике «в области художественной литературы». Это и обеспечило бы некогда обещанную «гегемонию пролетарских писателей» – на издательском уровне.

Но кампания была прекращена, и новую резолюцию ЦК партии тогда не принял. Сталин, в отличие от рапповских лидеров, свои задачи уже решил.

«Дело Пильняка и Замятина», во-первых, дискредитировало Троцкого. Снова демонстрировалось, что его доктрина ошибочна.

Во-вторых, дискредитирован был и Бухарин – как автор прежней резолюции ЦК партии, опубликованной в 1925 году. Получилось, что и он покровительствовал «шахтинцам в литературе».

Наконец, правительству не понадобилось запрещать несанкционированные иностранные публикации законодательно. Литераторы уяснили, что запрет уже введен, хоть и негласный.

Почти что полвека спустя Л.С. Флейшман в фундаментальной монографии о Б.Л. Пастернаке подвел итоги скандала. Он утверждал, «что это была первая в истории русской культуры широко организованная кампания не против отдельных литераторов или текстов только, а против литературы в целом, ее автономного от государства существования»³².

Автономность литературы исключалась – такова прагматика скандала. Своего рода инерция «дела Пильняка и Замятина» влияла на литературный процесс и после смерти Сталина. Шок был силен. Потому вновь подчеркнем: крайне мала вероятность, чтобы Гроссман изначально планировал иностранную публикацию.

³² Флейшман Л. С. Борис Пастернак в двадцатые годы. Munchen: Wilhelm Fink, 1980. С. 124.

Пограничные инциденты

Обычно изменения политической ситуации после смерти Сталина соотносятся с деятельностью Хрущева как лидера партии. Этот период даже получил неофициальное именование – «оттепель»³³.

Споры о хронологических рамках «оттепели» и происхождении самого термина ведутся давно. Не входя в полемику, отметим только, что он – буквально – обозначает перемены заметные, однако не радикальные и отнюдь не обязательно необратимые. Вероятно, поэтому и метафора была принята современниками.

О причинах «оттепели» споры тоже ведутся издавна. Бесспорным считается лишь то, что изменение политической ситуации обусловлено не только произволом группы функционеров, пришедших к власти после смерти Сталина. Хватало и объективных факторов.

Как известно, к марту 1953 года террористическая истерия в СССР вновь достигла пика. Очередной раз под угрозой ликвидации оказалось едва ли не всё сталинское окружение. Родственники некоторых высших функционеров уже были в лагерях, ссылках, тюрьмах. А это и само по себе подразумевало возможность ареста в любой момент.

Панику в партийной элите усугубляло «дело врачей». Функционерский опыт подсказывал: за исключением Сталина пособником мнимых «вредителей» может быть объявлен каждый их кремлевский пациент, если он в материалах следствия не числится среди намеченных жертв.

«Дело врачей» вызвало и международный резонанс. После разгрома нацистской Германии, когда термин Холокост стал обиходным, шоковое впечатление производила откровенно антисемитская кампания в одной из держав-победительниц.

У сторонников «холодной войны» появился весьма убедительный аргумент, подтверждавший, что рассуждения советских идеологов о равенстве, гуманизме и стремлении к миру не соответствует реальным целям Сталина, нагнетавшего в стране террористическую истерию. Она воспринималась как вызов мировому сообществу.

Вскоре после смерти лидера его преемники договорились о полной ликвидации «дела врачей». Ради этого и понадобилось трансформировать значение термина «реабилитация». В новом варианте осмысления он использовался для ускоренного – в обход предусмотренной законом процедуры – оправдания осужденных и подследственных³⁴.

Упрощенная процедура требовалась и для скорейшего оправдания родственников, а также других представителей элиты, близких к группе сталинских преемников. Но почти каждый случай признания чьей-либо невиновности еще и подразумевал рассмотрение материалов других уголовных дел по аналогичным обвинениям. А их – десятки и сотни тысяч. Процесс «реабилитации» мог стать лавинообразным.

Соответственно, понадобились аргументы на уровне идеологии. Было бы нефункционально в массовом порядке отменять юридические решения, вынесенные при Сталине, и по-прежнему клясться его именем. Надлежало убедить население в том, что происходящее – вполне законно³⁵.

Однако новые идеологические установки еще не были определены. Сталинские преемники отнюдь не сразу нашли удобные формулировки, потому и не обошлось без конфлик-

³³ См., напр.: Лурье Л., Малярова И. 1956 год. Середина века. СПб: Нева, 2007. С. 3–6; Сенявский А. С. Предисловие // XX съезд КПСС в контексте российской истории. М.: типография ИРИ РАН, 2012. С. 3–8.

³⁴ Фельдман Д. М. Терминология власти. С. 62–109.

³⁵ Фельдман Д. М. Терминология власти. С. 62–109.

тов. Характерный пример описан Симоновым в мемуарной книге «Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине»³⁶.

19 марта 1953 года «Литературная газета», редакцию которой Симонов тогда возглавлял, поместила передовую статью «Священный долг писателя». Она, в сущности, не отличалась от других передовиц аналогичной тематики. По обыкновению, там декларировалось: «Самая важная, самая высокая задача, со всей настоятельностью поставленная перед советской литературой, заключается в том, чтобы во всем величии и во всей полноте запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времен и народов – бессмертного Сталина».

Но уже 26 марта опубликована передовица «Достойно показывать великие дела народа». Сталин там вообще не упомянут. Главной же писательской задачей объявлено изображение «простого советского человека, строителя коммунизма».

Быстрое и кардинальное изменение «главной задачи» Симонов объяснил вмешательством Хрущева. Тот, по словам мемуариста, позвонив в редакцию и Президиум СП, объявил что «считает необходимым отстранить меня от руководства «Литературной газетой», не считает возможным, чтобы я выпускал следующий номер».

Симонов интерпретировал телефонный звонок секретаря ЦК КПСС в эмоциональном аспекте. Предположил, что «это был личный взрыв чувств Хрущева, которому тогда, в пятьдесят третьем году, наверное, была уже не чужда мысль через какое-то время попробовать поставить точки над «i» и рассказать о Сталине то, что он считал нужным рассказать на XX съезде».

Нет оснований сомневаться, что вмешательство Хрущева было. Сомнительна же описанная Симоновым причина – «личный взрыв чувств».

К 19 марта 1953 года, еще до официального дезавуирования «дела врачей», редактору «Литературной газеты» уже полагалось знать: пропагандистская ситуация изменилась. О том он был специально извещен. Свидетельство – записи секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова. Ныне они хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории³⁷.

Согласно этим записям, 10 марта 1953 года – на следующий день после похорон Сталина – Маленков созвал заседание Президиума ЦК КПСС. Где объявил, что ранее «были крупные ненормальности, многое шло по линии культа личности».

Поспелов записал полученные указания. Маленков, сообщив о «крупных ненормальностях», требовал «прекратить политику культа личности».

Что конкретно имелось в виду – Маленков не пояснил. Но из контекста следовало: требовалось прекратить многолетнюю кампанию восхваления Сталина. Именно Поспелову было тогда поручено обеспечить контроль прессы. Срочно вызванные в ЦК КПСС редакторы центральных газет и журналов получили инструкции – тоже посредством намеков, хотя и весьма прозрачных.

Вероятно, шестикратный лауреат Симонов несколько фрондировал, публикуя статью, не соответствовавшую поспеловским намекам. Подчеркивал, что не желает вот так срочно и без определенных причин отречься от ранее написанных им стихов о генсеке. Ну а Хрущев – в привычной сталинским администраторам манере – объяснил и фрондеру, и писательскому руководству, почему нельзя игнорировать новую пропагандистскую установку.

³⁶ Здесь и далее цит. по: Симонов К. М. Глазами глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине // Знамя. 1988. № 4. С. 119–120. См. также: Фельдман Д. М. Терминология власти. С. 37–48.

³⁷ Здесь и далее цит. по: РГАСПИ. Ф. 629. Оп. 1. Д. 54. Л. 68–71. См. также: Барсуков Н. А. Историческая веха // XX съезд и его исторические реальности. М., 1991. С. 15. Ср.: Максименков Л. Культ: Заметки о словах-символах в советской культуре // Свободная мысль. 1993. № 10. С. 40–41.

Такая версия куда более правдоподобна, чем изложенная Симоновым. Однако в любом случае очевиден итог. Тут мемуарист не отступил от истины. На заседании Президиума ССП 24 марта 1953 года статья «Священный долг писателя» была признана ошибкой редактора, и ее исправила через два дня та же «Литературная газета».

Симонов тогда остался секретарем правления и даже заместителем генсека ССП, а вот должность руководителя «Литературной газеты» утратил. Впрочем, без особого скандала. Формально – по собственной же просьбе был «освобожден от обязанностей».

Истинную причину в ССП знали. Благодаря инциденту литературные функционеры уяснили, каков, так сказать, вектор перемен. Но очевидной стала лишь главная установка – отказ от восхваления Сталина. Относительно прочего ясности не было по-прежнему. Что вполне закономерно.

В группе сталинских преемников шли споры о пределах критики. Уровень допустимого определили эмпирически: посредством инцидента, связанного уже с деятельностью Твардовского – как редактора журнала «Новый мир».

Он, при всей конформности, пытался и в начале 1950-х годов решать задачи, самостоятельно поставленные. Это отмечает, например, М. Аскольдова-Лунд в опубликованной журналом «Свободная мысль» статье «Сюжет прорыва. Как начинался “Новый мир” Твардовского»³⁸.

Согласно Аскольдовой-Лунд, новомирский главред лавировал, не оспаривая цензурные запреты, но обозначая направление, которое считал главным. Позже оно получило официальное название – «деревенская проза».

В начале 1950-х годов термина еще не было. Зато само направление, по мнению ряда историков литературы, уже формировалось, чему во многом способствовал редактор «Нового мира». И Аскольдова-Лунд утверждает: «Деревенская проза выразила одну из главных трагедий русской жизни – разрушение деревни, ее быта, уклада, нравственного идеала. Война и трагедия деревни слились для Твардовского в единую трагическую стихию, в поток, который питал журнал. Он поступал так в страшное время советской истории – на излете сталинского самовластья».

Суждение эмоциональное, однако небезосновательное. Исследовательница отсылает читателей к этапу биографии Твардовского, довольно широко обсуждавшемуся критиками и литературоведами в 1990-е годы. Сын крестьянина, ставший комсомольским поэтом и журналистом, отрекся от «раскулаченной» семьи. Причина отречения понятна – литературная карьера. Вскоре, правда, раскаялся, помогал ссыльным родственникам, был прощен. Чувство же вины, надо полагать, осталось. Не исключено, что пытался искупить ее, способствуя публикациям о деревне.

Одним из основоположников пресловутой «деревенской прозы» считается В.В. Овечкин. Первый из серии его сельских очерков – «Районные будни» – опубликован «Новым миром» в июльском номере 1952 года³⁹.

Публикация воспринималась как литературное событие в масштабах страны. Удивляло неидеализированное описание быта деревни, тяжелого труда колхозников, полностью зависимых от произвола секретаря райкома партии, чванливого и хамоватого карьериста. Он, впрочем, противопоставлен в очерке другому руководителю, скромному и дельному. Но таковы были условия игры, понятные также читателям, что и отмечают биографы Твардовского.

³⁸ Здесь и далее цит. по: Аскольдова-Лунд М. Сюжет прорыва. Как начинался «Новый мир» Твардовского // Свободная мысль – XXI. 2002. № 1. С. 72–82.; № 2. С. 70–80.

³⁹ Овечкин В. Районные будни // Новый мир. 1952. № 9. С. 204–221; Он же В одном колхозе // Там же. 1952. № 12. С. 187 – 209.

Об этом, в частности, пишет А.М. Турков. Он утверждает: «Очерк Овечкина подготовил рождение так называемой деревенской прозы и облегчил ее прохождение»⁴⁰.

Исследователь называет «прохождением» этапы цензурного контроля. К «деревенской прозе» партийные инстанции относились настороженно. Ситуация изменилась лишь во второй половине 1953 года, когда «Новый мир» публиковал сельские очерки Г.Н. Троепольского и аналогичной тематики повести В.Ф. Тендрякова, тоже казавшиеся необычно смелыми⁴¹.

Общему политическому контексту «оттепели» все это соответствовало. Резкое же неприятие партийных инстанций вызвала новомирская литературная критика. Прежде всего – опубликованная в двенадцатом номере 1953 года статья В.М. Померанцева «Об искренности в литературе»⁴².

Сама постановка проблемы напоминала о спорах начала 1920-х годов. Тех, что были вроде бы давно забыты. Померанцев у тверждал: «Искренности нет не только в шаблоне, и шаблон не худший из видов неискренности. Он отнимает действенность вещи и оставляет нас равнодушными, но ещё не порождает прямого неверия в литературное слово. Это происходит от другого вида неискренности, который назван у нас «лакировкой действительности». Порожден он не только ханжеством критики – в нём не меньше повинны и сами писатели. Пустил он глубокие корни и стал многообразен по способам».

Далее рассматривалась техника пресловутой «лакировки действительности». Постулировалось, что прием наиболее «грубый – измышление сплошного благополучия. Иную книжку прочтешь – вспомнишь тот затерявшийся в истории литературы период, когда действие романа происходило под солнцем неизвестной страны, а пейзажем служили лианы. Как от этих романов исходил аромат чудесных неведомых фруктов, так от ряда наших вещей вкусно пахнет пельменями. Наиболее явное зрительно-носовое ощущение дал этот неуклюжий приём в киносценариях, где люди банкетно, смачно, обильно, общеколхозно едят. Сценарии фильмов дали писатели, тон писателям давали подобные фильмы».

Суждения Померанцева были по тому времени крайне резкими. Общее впечатление не меняли и упоминания о высмеиваемой тогда «лакировке действительности», и оговорки, акцентировавшие лояльность режиму: «Но зачем нам выдуманное благополучие, когда у нас есть завоёванное, подлинное, большое и капитальное! К счастью, показ жизни “через пельмени” уже слишком топорен, чтобы быть слишком распространённым».

Вряд ли опытный журналист полагал, что в деревне – изобилие «подлинное, большое и капитальное». Но публикация статьи без подобного рода оговорок была бы невозможна.

Померанцев эвфемистически именовал «неискренностью» ложь. Доказывал, что она не способствует, а препятствует решению пропагандистских задач: «Влияние книг постепенно, подспудно, и проследить его нелегко. Но не невозможно. Если бы комиссия критики по продуманной и непредвзятой программе изучила влияние книг на разные возрасты и слои населения, мы извлекли бы немало неожиданных и поучительных выводов. Мы увидели бы, что тиражи иных книг не всегда пропорциональны мере влияния книги на человека, что и в очень известных, очень распространённых романах человеку часто «не хватает чего-то». Докапываясь, доискиваясь, мы установим, что не хватает ему подлинного, не книжного конфликта».

Вряд ли Померанцев и Твардовский осознавали, что не только писатели-конформисты высмеяны в статье. Из нее следовало, что интерес к советской литературе – современной –

⁴⁰ См.: Турков А. М. Александр Твардовский. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 188.

⁴¹ См.: Троепольский Г. Из записок агронома // Новый мир. 1953. № 8. С. 78–112; № 9. С. 52–99; Тендряков В. Падение Ивана Чупрова // Там же. № 11. С. 104–134.

⁴² Здесь и далее цит. по: Померанцев В. Об искренности в литературе // Там же. № 12. С. 218–245.

падает, а колоссальные тиражи большинства книг и журналов не соответствуют уровню читательского спроса.

Так и было. Невостребованную продукцию издательств – сотнями тонн – постоянно отправляли с торговых складов на бумажные фабрики. Для переработки. Однако правительство не планировало отказ от внеэкономической издательской модели, потому агитправовские функционеры имели основания интерпретировать суждения критика как антисоветские⁴³.

Ожесточение вызывали и другие новомирские критики. Особенно – Ф.А. Абрамов, опубликовавший в апрельском номере 1954 года пространную статью «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе»⁴⁴.

Как заведомо «лакировочные» там были высмеяны книги лауреатов Сталинской премии. Дежурные ссылки на опубликованные высказывания Маленкова и Хрущева опять не меняли общее впечатление. Скандал был настолько громким, что Абрамова вынудили признать статью политически ошибочной⁴⁵.

Твардовскому это не помогло. 23 июля 1954 года принято решение Секретариата ЦК КПСС «Об ошибках редакции журнала “Новый мир”»⁴⁶.

В руководстве ССП у Твардовского не было поддержки. Сказались конфликты начала 1950-х годов. Потому он и был лишен редакторской должности⁴⁷.

Таким оказался второй наглядный урок. Он тоже был сразу усвоен литературными функционерами – в силу очевидности причинно-следственной связи.

Инциденты с редакторами «Литературной газеты» и «Нового мира» обозначили границы допустимого. В печати исключалось восхваление Сталина – как рецидив пресловутого «культа личности». Разрешалось обсуждать саму возможность перемен. Но «колхозный строй» пока что оставался вне критики⁴⁸.

Трудно судить, задумал ли Гроссман уже тогда повесть «Все течет...». Если и были замыслы, не мог не убедиться, что пока реализовать их нельзя.

⁴³ См. подробнее: *Громова Н. А.* Распад. Судьба советского критика: 40-50-е годы. М.: Эллис Лак, 2009. С. 199–202.

⁴⁴ *Абрамов Ф.* Люди колхозной деревни в послевоенной прозе // *Новый мир*. 1954. № 4. С. 210–231.

⁴⁵ Подробнее см., напр.: *Крутикова-Абрамова Л. В.* Слово в ядерный век: О публицистике // *Жива Россия*: Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения. СПб.: Атон, 2003. С. 41.

⁴⁶ См.: Решение Секретариата ЦК КПСС от 23 июля 1954 г. «Об ошибках редакции журнала “Новый мир”» // *История советской политической цензуры: Документы и комментарии*. М., 1997. С. 106–115.

⁴⁷ См.: *Турков А.М.* Указ. соч. С. 355–383.

⁴⁸ См.: *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М.: РОССПЭН, 2004. С. 368–404.

Эволюционный проект

Гроссману смена руководства «Нового мира» была лишь постольку важна, поскольку обозначала новую границу допустимого. Но и только. Какие-либо перспективы вряд ли прогнозировались, соответственно, планы не менялись.

Отношение Гроссмана к новомирской интриге прослеживается в переписке с Липкиным, разумеется, относящейся к послесталинской эпохе. Столичные литераторы переписывались, когда один из них уезжал в командировку, санаторий и т. д.

Эти письма не поступили в РГАЛИ. Туда мемуарист передал лишь ксерокопию одного из них – о событиях 1958 года. Хранится она в фонде Липкина, формировавшемся еще при его жизни.

Сама же переписка хранилась у вдовы – И.Л. Лиснянской. Затем документы были сканированы по просьбе британского литературоведа и переводчика Р. Чандлера и переданы ему. Все или частично – трудно судить. Оригиналы же остались у наследников.

Выдержки из некоторых гроссмановских писем Липкин привел в мемуарах. Цитировал не всегда точно, да и часто без датировки. Потому мы приводим цитаты по сканам, любезно предоставленным нашим британским коллегой.

Характерно, что Гроссман, описывая 2 августа 1954 года столичные новости уехавшему в Ташкент Липкину, не выражает свое отношения к отставке давнего знакомого. Речь идет лишь о слухах: «Говорят, что Твард[овский] уже не работает в «Н[овом] мире», но я не знаю, верно ли это. Как всегда, называют много всяких кандидатур, среди них и Симонова».

Узнать, «верно ли это» Гроссман мог бы в Правлении ССП, где ему полагалось на заседаниях присутствовать. Но административными обязанностями советский классик обычно пренебрегал, и, судя по сказанному, не проявил интереса к перипетиям карьеры Твардовского.

Липкин в мемуарах ситуацию интерпретировал по-своему. Это было целесообразно в аспекте создания биографического мифа Гроссмана. Надлежало объяснить, почему же Твардовский оказался вне круга общения писателя-нонконформиста.

Согласно мемуарам, Гроссман поссорился с Твардовским в феврале 1953 года. Ранее ссор не было, делали одно дело, но все изменилось, когда «Правда» напечатала бубенновскую статью.

Далее началась кампания отречений. И Твардовский «на секретариате Союза писателей каялся в том, что опубликовал роман в своем журнале».

Романист был, согласно Липкину, оскорблен. Специально «зашел в «Новый мир». Он хотел выяснить свои отношения с Твардовским по поводу того, что тот отрекся от романа «За правое дело». Оба, как я мог судить по рассказу Гроссмана, говорили резко, грубо».

Но свидетельство мемуариста не подтверждается гроссмановским «Дневником прохождения рукописи романа «За правое дело» в издательствах». В этом документе нет упоминаний о разговоре, описанном Липкиным.

Да и вряд ли Гроссман отправился бы в редакцию «выяснить свои отношения с Твардовским». Судя по дневниковым записям, все уже давно было ясно. Липкин, правда, о том не знал. Или – упоминать не хотел, чтобы своей концепции не противоречить.

Ссора Твардовского и Гроссмана была отнюдь не первой – с 1949 года. И не впервые главред «Нового мира» отрекся от романа «За правое дело».

У Гроссмана и Твардовского к февралю 1953 года не осталось личных отношений – только деловые. Нет оснований сомневаться, что лишь они и были возобновлены, когда ситуация радикально изменилась.

Внешне Гроссман и Твардовский оставались если и не приятелями, то добрыми знакомыми. Не так уж редко встречались: оба бывали на заседаниях Правления ССП. И все больше отдалялись друг от друга.

Гроссман на исходе октября 1954 года принимал от коллег поздравления: книжное издание романа «За правое дело» поступило в магазины. Твардовского поздравлять было не с чем. Он тогда – **бывший** главред. Его заместитель уже в сентябре подписал к печати очередной номер журнала⁴⁹.

Решение Секретариата ЦК партии о смене редактора «Нового мира» стало очередной агитпроповской победой. Впрочем, руководство ССП уже не проигрывало, наоборот, вполне солидаризовалось с недавними противниками. Тактически это было целесообразно.

За Твардовского заступился тогда Хрущев. Предложил немедленно прекратить травлю поэта, знаменитого не только всесоюзно⁵⁰.

Кандидатуру нового главреда в ЦК партии обсуждали долго. Назначен был тот, кого Твардовский сменил в 1950 году – Симонов. Декабрьский номер он подписал к печати⁵¹.

В 1950 году из «Нового мира» Симонов, как говорится, ушел на повышение, а затем утратил должность редактора «Литературной газеты». Его возвращение на прежнюю, тоже высокую, свидетельствовало, что опала закончилась. Но главное, журнал стал новым проектом. А вскоре и своего рода символом «оттепели».

Причина, обусловившая тогда возникновение новых проектов, была вполне очевидна. Вызвав агитпроповский гнев, ее обозначил Померанцев. Критика бранили, но его выводы подтверждались итогами розничной продажи: не востребованы тиражи книг большинства советских писателей, а что не куплено – не прочитано. Меж тем шла подготовка к XX съезду КПСС, и требовалось повысить эффективность пропаганды средствами литературы.

Характерно, что падение интереса к советской литературе первыми фиксировали в печати эмигрантские критики. Тема обсуждалась еще в 1930-е годы. Как утверждали авторы обзоров, становилось все труднее найти хоть что-то примечательное среди книжных и журнальных новинок⁵².

С началом послесталинской эпохи тема литературной деградации стала уместной и в советской печати. Обычно причиной объявляли все ту же «лакировку».

Но вполне очевидно было, что «лакировка» – лишь один из результатов, обусловленных утверждением донэповской издательской модели в 1931 году. Двадцать лет спустя общий уровень русской литературы оказался несопоставимым с прежним – даже и нэповских времен. Редкие исключения, как говорится, не меняли картину. Экономически ситуация вполне объяснима: качество продукции непременно должно падать, если нет реальной конкуренции, борьбы за покупателя, т. е. читателя.

Попытки заменить литературную конкуренцию какими-то иными факторами – такова прагматика новых проектов. Едва ли не первым из них стал, подчеркнем вновь, журнал, возглавленный Симоновым. Проектная же новизна заключалась в том, что полномочия редактора существенно расширились. Он мог себе позволить не считаться с актуальными цензурными установками, а сразу решать спорные вопросы – на уровне высшего партийного руководства.

Симонов был выбран закономерен. Не только известный поэт, драматург, прозаик, военный журналист, еще и опытный редактор. После того, как он возглавил редакцию «Нового мира» в 1946 году, интерес к журналу рос постоянно.

⁴⁹ См.: Новый мир. 1954. № 9. С. 288.

⁵⁰ Турков А. М. Указ. соч. С. 222–225.

⁵¹ См.: Новый мир. 1954. № 12. С. 288.

⁵² См.: Струве Г. П. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. С. 199–213.

Бесспорно, инцидент в марте 1953 года сказался на симоновской карьере. Но тем удачнее была кандидатура: опальному функционеру надлежало еще доказать, что он сумеет «оправдать доверие».

Он и действовал гораздо решительней, чем прежний главред. Правда, несколько иными были предпочтения. К примеру, литературным событием 1955 года стала публикация рассказов и очерков И.А. Бунина⁵³.

Эмигранта, крайне резко характеризовавшего советский режим, не печатали на родине уже двадцать шесть лет. Но Бунин умер в 1953 году, с тех пор изменились пропагандистские установки, и Симонов добился разрешения.

«Деревенскую» тематику тоже не игнорировал. Журналисты и прозаики, обозначившие это направление при Твардовском, печатались в «Новом мире» по-прежнему⁵⁴.

Не обходил редактор и темы гораздо более провокативные. Еще одним литературным событием 1955 года стала повесть Ю.Е. Пиляра о советских военнопленных в лагере смерти Маутхаузен – «Все это было!»⁵⁵.

Как известно, нацистская Германия отнюдь не полностью соблюдала международные законы о военнопленных, а на граждан СССР такие нормы права и вовсе не распространялись. Формальная причина – соответствующие конвенции не подписаны. Сталин их просто игнорировал: факт плена считался изменой, почему и не рассматривались проблемы выживания тех, кого государство уже объявило предателями. Сотни тысяч умерли от непосильной лагерной работы и голода, были расстреляны, но даже совершившие побег нередко оказывались в других лагерях – советских.

После войны отношение к военнопленным несколько смягчилось. Формально их уже не считали преступниками, хотя сам факт пребывания в плену аксиоматически признавался компрометирующим. Ну а Пиляр описывал повседневность лагеря смерти, деятельность подполья в Маутхаузене, подготовку восстания. И это неизбежно провоцировало аллюзии. Стойкость и мужество узников, их верность патриотическому долгу были противопоставлены – пусть лишь имплицитно – бесчеловечности советской внутренней политики.

Казалось бы, Симонов опять рисковал. А на самом деле он использовал свои полномочия для утверждения новых, пока лишь намеками обозначенных пропагандистских установок. В контексте подготовки к XX съезду КПСС была вполне допустима повесть о военнопленных, обличавшая уже деактуализировавшиеся правовые нормы «периода культа личности».

Симонов постоянно расширял область допустимого. К 1956 году популярность журнала опять возросла. И рост продолжался. Событием тогда стала опубликованная «Новым миром» повесть Тендрякова «Саша отправляется в путь». Позже она получила другое заглавие – «Тугой узел»⁵⁶.

Вряд ли случайно публикация была приурочена к началу XX съезда КПСС. Она воспринималась современниками как весьма резкая критика именно «колхозного строя».

Не обошлось, конечно, без дежурного противопоставления компетентных и справедливых партийных руководителей – бездушным карьеристам. Однако подобного рода приемы были привычны читателям, почему и не скрывали прагматику тендряковской повести. Соответственно, реформы, инициированные после смерти Сталина и существенно ограничившие прежнее закрепощение крестьянства, осмыслились в качестве давно назревших.

⁵³ См.: Бунин И. А. Рассказы и очерки // Новый мир. 1955. № 6. С. 157–172.

⁵⁴ См.: Дубинский Ил. В таежной деревне. Из записок комбайнера Михаила Бровкина // Там же. 1955. № 1. С. 74–121; Погодин Н. Мы втроем поехали на целину. Героическая комедия // Там же. 1955. № 12. С. 44–88; Овечкин В. Трудная весна // Там же. 1956. № 3. С. 30–78; № 5. С. 37–68; № 9. С. 121–178;

⁵⁵ См.: Пиляр Ю. Все это было // Там же. 1955. № 10. С. 113–158; № 11. С. 85–132.

⁵⁶ Тендряков В. Саша отправляется в путь // Там же. 1956. № 2. С. 25–88; № 3. С. 79–133.

Подготовка идеологического обоснования началась после сталинских похорон. К XX съезду КПСС она была завершена. Аргументация – пресловутое «разоблачение культа личности» и признание незаконности так называемых «массовых репрессий»⁵⁷.

Стоит подчеркнуть: хронологические рамки допустимого применения термина «массовые репрессии» были в докладе Хрущева точно обозначены. От декабря 1934 года, когда в связи с убийством Кирова начались аресты представителей большевистской элиты, и до конца сталинской эпохи. Речь шла только об арестованных тогда. Этому указанию редакторы всех издательств и периодических изданий следовали неукоснительно⁵⁸.

Вопрос уместности «колхозного строя» не рассматривался в докладе Хрущева. Подразумевалось, что надлежит лишь оптимизировать методы партийного управления. Но и это воспринималось как либерализация. Тендряковская повесть не противоречила новым пропагандистским установкам в области сельского хозяйства.

В других областях новации тоже были осмыслены. Так, буквально сенсационным оказался публиковавшийся с августа по октябрь роман В.Д. Дудинцева «Не хлебом единым»⁵⁹.

Действие романа начинается после войны. Главный герой – Лопаткин – выпускник университета, офицер-фронтовик, затем школьный учитель физики. Живет в сибирском поселке, выстроенном для сотрудников большого завода, проектирует машину, благодаря которой можно существенно ускорить и удешевить производство дефицитных чугунных труб. Но аналогичную задачу в столичном институте решает группа инженеров и ученых под руководством профессора Авдиева. Он весьма опытный интриган, потому своевременно пресекает все попытки конкурента добиться в соответствующем министерстве объективного рассмотрения нового проекта.

Вне советской юридической специфики конфликт романа вообще непонятен. За границей создатель новой технологии, оформив патент, мог торговать правом ее использования. Так было и в Российской империи. Однако позже все изобретения были признаны собственностью «государства рабочих и крестьян». Изобретатель, регистрировавший свой проект официально, получал лишь так называемое авторское свидетельство. Далее государственные инстанции решали, уместно ли использовать новации в промышленности. Если да, то автору полагались выплаты – в размерах, тоже определенных законодательно.

Мало кто за границей знал о такой специфике. Зато советским читателям не требовались пояснения: тема борьбы изобретателя-энтузиаста с бюрократами не была новой. Соответственно, конфликт воспринимался как традиционный – «производственный». Нетрадиционным было его развитие.

Противостояние Лопаткина и его антагонистов длится годами. А когда он, переехав в Москву, все-таки добивается министерского решения, и реализация проекта контролируется на правительственном уровне, победа ускользает. На стороне Авдиева – заместитель министра и даже генерал-майор госбезопасности, курирующий работу конструктора. Они используют привычный метод – политический донос. Изобретатель, ложно обвиненный в разглашении государственной тайны, осужден. Впереди, согласно приговору, «заключение сроком на восемь лет в исправительно-трудовом лагере».

Однако через полтора года обвинение признано недоказанным. Лопаткин возвращается в Москву. Стараниями единомышленников его проект уже реализован, труболитейная машина работает. Изобретатель получает высокую должность, впереди – триумф и, разумеется, новые масштабные задачи.

⁵⁷ См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы / отв. ред. К. Аймермахер, сост. В. Ю. Афиани. М.: РОССПЭН, 2002.; *Сенявский А. С.* XX съезд на весах истории // XX съезд КПСС в контексте российской истории. С. 9–29; *Лурье Л., Мальярова И.* Указ. соч. С. 8–130.

⁵⁸ *Фельдман Д. М.* Терминология власти. С. 288–316.

⁵⁹ *Дудинцев В. Д.* Не хлебом единым // Новый мир. 1956. № 8. С. 31–118; № 9. С. 37–118; № 10. С. 78–96.

Впрочем, противники Лопаткина отнюдь не повержены. Их карьера лишь замедлилась. Они по-прежнему влиятельны, даже предлагают сотрудничество триумфатору. С их точки зрения, это взаимовыгодно. Разумеется, предложение отвергнуто, герой верен себе.

Гроссман читал роман «Не хлебом единым». Об этом он сообщил Липкину в письме, отправленном из дома отдыха ССП в Коктебеле 23 сентября 1956 года. Журнальная публикация еще не завершилась, и было отмечено: «Прочел Дудинцева в двух номерах – хорошая, смелая вещь. Отношения между людьми (деловые) – реальные. Это очень важно, т. к. литература отвыкла от реальных отношений между людьми. Личные отношения написаны плохо – любовь, дружба. Но спасибо и за деловые. Живые фигуры служащих, чиновников, ученых».

Далее тезис обосновывался. Согласно Гроссману, «дело не в оценке таланта, а в определении вида литературы – как то: чёт-нечет, черное-белое, брехня-правда. Это не брехня. А что талант не так велик, это уже второй, следующий вопрос».

Оценка, значит, не относится к эстетическому уровню романа. Подобного рода вопросами, по словам Гроссмана, интереснее заняться позже, «когда таких произведений – реальных – станет много. Пока же хочется радоваться появлению в прериях первых скрипучих телег, на которых едут смелые пионеры. Честь им и хвала, и всяческой удачи».

Еще через месяц, когда новомирская публикация завершилась, роман Дудинцева был уже неслыханно популярен. Современниками он воспринимался как откровенно антисталинский.

Контекст скандала

Если верить мемуарам Липкина, то в сентябре 1956 года Симонов предложил и Гроссману сотрудничество. Встретились они в здании, принадлежавшем ССП.

Об этом мемуарист, по его словам, узнал из письма. Гроссман рассказал, как Симонов «очень горячо и очень по-деловому настаивал, чтобы я печатал вторую книгу в «Новом мире»».

Речь шла не о проявлении вежливости. Гроссман указал далее, «что в момент нашего разговора Кривицкий звонил мне домой с тем же предложением. Сказал Ольге Михайловне: «Как я рад, что попал на вас, зная сложный характер В[асилия] С[еменовича], думал, что он меня пошлет по матушке»».

Далее мемуарист счел нужным описать контекст редакционного предложения. Но – кратко: «Надо объяснить, что в это время Симонов опять стал редактором «Нового мира», а Кривицкий – его заместителем, а просили они у Гроссмана будущую «Жизнь и судьбу», еще не зная ее содержания. Симонов и Твардовский, как некоторые древние иранские шахи, попеременно надевали на себя корону владык “Нового мира”».

Копии такого письма нет среди полученных Чандлером. Правда, отсюда еще не следует, что Симонов не предлагал сотрудничество. Аналогично и Кривицкий, выполняя поручение главреда, мог и позвонить Гроссману. В истории Липкина сомнительны детали.

Про обычаи «древних иранских шахов» можно не спорить. Это шутка, пусть и не очень удачная. Липкин, конечно, знал, что «корона» распоряжался ЦК партии, а не редакторы «Нового мира».

В детали мемуарист явно не желал вдаваться. Зато все сказанное про опасения замглавреда коррелируется с изложенной Липкиным историей отказа Симонова и Кривицкого печатать роман «За правое дело»: год они медлили с ответом, затем собрались вернуть рукопись автору.

Однако на самом деле ничего подобного не было. Как отмечалось выше, дневниковые записи Гроссмана свидетельствуют, что в «Новом мире» и главред, и его заместитель сразу же согласились печатать роман. Вариант рукописи, полученный ими в 1949 году, прошел редактирование. А потом руководителем журнала стал Твардовский, вот он и отказывался. Уступал лишь настояниям Фадеева, Симонова и Суркова.

В 1953 году от романа отреклись все. И не Кривицкий первым. Его деловые отношения с Гроссманом позже восстановились. Аналогично и симоновские. Так что замглавреда мог бы и не опасаться услышать матерную брань в ответ на предложение сотрудничества. Этот вариант не был обусловлен событиями, относившимися к периоду редакционной подготовки.

Неважно, сообщил ли Гроссман в письме Липкину о предложении Симонова и опасениях Кривицкого. Предложить сотрудничество классику советской литературы вполне мог любой главред, а новомирский – тем более. Допустимо, что его заместитель подразумевал какой-нибудь другой конфликт, не выдуманный мемуаристом. Существенно же, что в сентябре 1956 года роман «Жизнь и судьба» был еще далек от завершения.

Зато публикация романа «Не хлебом единым» стала тогда не только дудинцевским успехом – симоновским тоже. И, конечно, успехом руководства ССП.

Развивая успех, руководство ССП организовало 22 октября обсуждение на заседании секции прозы в Центральном доме литераторов. Приглашались и все желавшие участвовать.

Отчет был опубликован «Литературной газетой» пять дней спустя – под заголовком «Обсуждаем новые книги»⁶⁰.

В отчете не отражено, что здание ЦДЛ оказалось буквально осажденным читателями. Триумф был очевидным, бесспорным. О нем тридцать лет спустя подробно рассказывал сам Дудинцев – в книге «Между двумя романами»⁶¹.

Жанр ее определен автором. Это не только воспоминания как таковые, но и «автобиографическая повесть».

Выбор заглавия и определение жанра обусловлены биографическим контекстом. Дудинцев остался в истории литературы именно как автор двух романов. Второй – «Белые одежды» – опубликован уже в 1987 году, когда советские идеологи вновь объявили, что необходимо окончательное «разоблачение культа личности».

Новый роман Дудинцева опять соответствовал актуальному политическому контексту. Тема – судьба биолога, противостоящего интригам сталинских функционеров в разгар кампании «разоблачения буржуазной лженауки генетики».

Сюжетно оба романа схожи. Герой второго тоже борется с карьеристами и прочими злодеями. Он побеждает, отстояв свой научный проект, но опять победа не выглядит закономерной.

Второй роман не принес такой известности, как первый, эпоха другая, и все же успеха автор добился. О нем Дудинцев и рассказывал в «автобиографической повести», намекая, что почти тридцать лет был чуть ли не изгоем среди писателей. Как говорится, пострадал за правду.

«Автобиографическая повесть» изобилует противоречиями, но в том, что касается триумфа первого романа – сомнений нет. Свидетельство Дудинцева не опровергается другими. Писатель акцентировал: «Перед Домом литераторов – толпы народа. Вся улица Воровского, насколько охватывает глаз, – головы, головы, головы... Сегодня должно состояться обсуждение моего романа «Не хлебом единым». Окна, двери, крыша Дома литераторов забиты людьми. Чуть не на проводах висят».

Руководство ССП не предвидело такого ажиотажа. По словам Дудинцева, не хватало «конной милиции, которую кто-то вызвал».

Действительно, конную милицию тогда вызвали к зданию ЦДЛ – для упорядочивания движения по улице. Правда, обошлось без инцидентов. Ну а причины ажиотажа Дудинцев описал кратко: «Общество ждало открытого слова – слова правды. И, видно, мне выпало такое счастье – сказать его, да еще быть понятым. После стольких лет лжи правда нуждалась в защите. Вот и собрались люди – защищать мой роман».

Это, можно сказать, примета времени. В сталинскую эпоху такая попытка читательской защиты была бы немыслима. Однако после XX съезда партии страх несколько отступил.

Дудинцеву тогда не понадобилась читательская защита. Ни один из писателей, выступавших в ЦДЛ, не формулировал какие-либо обвинения. Редактор же «Нового мира» подвел итог: «Мне роман В. Дудинцева дорог тем, что в нём живёт глубокая вера в силу советской власти, в силу нашего народа и общества. И, исходя из утверждения самых дорогих принципов нашего общества, В. Дудинцев критикует всё, что нарушает эти принципы, что мешает нашему движению вперёд. Без этого, без борьбы за будущее, мы не сможем обеспечить исправление былых ошибок. В такой борьбе очень помогает роман В. Дудинцева».

Симонов высказался дипломатично, предупреждая возможные обвинения: в группе сталинских преемников единства не было по-прежнему, а угодить всем и сразу нельзя.

⁶⁰ Здесь и далее цит. по: Обсуждаем новые книги // Литературная газета. 1956, 27 окт.

⁶¹ Здесь и далее цит. по: Дудинцев В. Д. Между двумя романами. СПб: Журнал «Нева», 2000.

Главред «Нового мира» свой выбор сделал, тем не менее, осторожность соблюдал. Обычная редакторская тактика послесталинской эпохи.

Для Гроссмана же публикация романа «Не хлебом единым» стала очередным свидетельством перемен: еще недавно запретное оказалось вполне допустимым. Однако вскоре начался скандал.

Первый симптом проявился 24 ноября. В этот день «Литературная газета» опубликовала статью «Реальные герои и литературные схемы»⁶².

Автор цитировал выступления на состоявшемся в ЦДЛ заседании секции прозы. В целом соглашался с положительными характеристиками, спорил лишь о деталях. И все-таки отметил, что роман «Не хлебом единым» отчасти противоречив. Заключается же противоречие в том, что молодые читатели, не имеющие ясного представления о реалиях недавнего прошлого, могут прийти к выводам, не предусмотренным Дудинцевым.

Намек был прозрачным. Хотел ли Дудинцев критиковать советский режим, нет ли, а роман можно интерпретировать в качестве такой критики.

Это уже и к Симонову относилось. Согласно его выступлению в ЦДЛ, дудинцевский роман обеспечивает «исправление былых ошибок», но способствует появлению других – идеологического характера.

Затем пришло время пространных рецензий. И журнал «Октябрь» поместил в декабрьском номере статью Д.И. Еремина «Чем жив человек»⁶³.

Она подготовлена к публикации в ноябре и соответствовала актуальному контексту. Еремин указал, что Дудинцев, «пожалуй, первым из писателей с такой резкостью, с гневом и горечью попытался показать одну из теневых сторон нашей недавней жизни, раскрыть в художественных образах те обстоятельства, которые мы сейчас называем «нарушением ленинских норм» в работе государственного и партийного аппарата».

Таковы были похвалы. Далее же критик отметил, что в романе Дудинцева «немало очень существенных идейных и художественных просчётов. Однако при оценке произведения советского писателя важно выделить, прежде всего, то, в чём это произведение сильно и разумно, чем оно помогает Родине в её великом созидательном труде. И характерно, что первым читательским соображением, первой эмоцией при чтении романа оказалась симпатия к творческим исканиям автора».

Согласно Еремину, «первой эмоцией» не следовало руководствоваться. Критик настаивал: «Как это показало, в частности, обсуждение романа «Не хлебом единым» в секции прозы Московского отделения СП, многие даже склонны при этом закрывать глаза на очень серьёзные недостатки романа, предпочитают эмоциональную односторонность объективному анализу».

Отсюда следовало, что объективен именно Еремин. Далее – выводы: «Романы, как люди – нет совершенных. Но несовершенство несовершенству рознь. То, что искажает основы жизни, что предвзято выдаёт уродливые наросты на могучем дереве жизни за сущность и «нормальную» структуру самого дерева, – то не может быть значимым и долговечным. Думается, что роман В. Дудинцева «Не хлебом единым» при некоторых его удачах всё же не раскрывает с подлинной большевистской правдивостью решающие закономерности недавнего этапа нашей жизни».

Статья дополняла ноябрьскую публикацию в «Литературной газете». Там же 15 декабря опубликован отчет о партийном собрании киевских писателей – «Социалистический реализм – наше оружие»⁶⁴.

⁶² Здесь и далее цит. по: Платонов Б. Реальные герои и литературные схемы // Литературная газета. 1956, 24 нояб.

⁶³ Здесь и далее цит. по: Еремин Д. Чем жив человек // Октябрь. 1956. № 12. С. 166–173.

⁶⁴ Здесь и далее цит. по: Киселев В. Социалистический реализм – наше оружие // Литературная газета. 1956, 15 дек.

Дудинцева и Симонова на том собрании осудили. Им не ставился в вину лишь преступный умысел: «Никто не может сказать, что у автора этого романа были злые намерения, когда он писал это произведение. Никто не может сказать, что такие намерения были и у редакции «Нового мира», напечатавшей этот роман. Но если присмотреться к роману Дудинцева, мы увидим, что в нём розовый лак, применявшийся прежде всего во многих произведениях, осужденных нашей общественностью, заменён дёгтем, не менее вредным».

Едва ли не все ораторы инкриминировали Дудинцеву избыточное внимание к недостаткам советской административной системы – при игнорировании успехов. В общем, пресловутый «дёготь»: «Если же принять этот роман за полную правду, то станет непонятным, каким же образом именно у нас создана первая в мире электростанция на атомной энергии, откуда грандиозные достижения нашей страны в области, например, химии, откуда в нашем государстве тысячи, миллионы талантливых изобретателей и рационализаторов, которые славятся на весь мир, откуда несокрушимая мощь нашего государства».

Роман Дудинцева обсуждался писательскими организациями и в других регионах. Итоговая статья опубликована «Литературной газетой» 29 декабря под заголовком «На партийных собраниях писателей»⁶⁵.

Выступавшие там фактически цитировали друг друга. И, конечно, воспроизводили инвективы, уже опубликованные «Литературной газетой». Так, постулировалось, что отдельные «творческие работники, в частности литераторы, под видом борьбы с культом личности проявляют подчас нигилистические настроения, пытаются перечеркнуть достижения советской литературы и искусства, высказывают ошибочные суждения о методе социалистического реализма».

Даже в конце 1956 года это весьма серьезное обвинение». Ну а далее – вывод: «Советские писатели должны быть особенно стойкими и зоркими в борьбе обывательщиной, активно бороться за претворение в жизнь решений XX съезда КПСС. В нынешней сложной и напряжённой международной обстановке, когда реакция пытается перейти в наступление против сил мира и социализма, писатели-коммунисты считают своим первейшим делом повышение революционной бдительности, создание произведений, в которых правдиво, без лакировки и в то же время без дёгтя показывались бы жизнь и борьба советских людей за торжество коммунизма».

Резкое изменение тональности отзывов о романе – результат новых указаний, поступивших из ЦК КПСС. О причине упоминали редко, но она всегда подразумевалась.

На исходе октября 1956 года в Будапеште – восстание. Как известно, просталинский венгерский режим, копировавший «московские процессы», разваливался, местная служба государственной безопасности вызывала у многих ненависть. И хотя большинство населения столицы не присоединилось к вооружённым акциям повстанцев, 1 ноября началось массовое вторжение советских войск. Сопротивление было подавлено. Буквально – танками.

Пресекались акции протеста и в других европейских странах, контролируемых СССР. Ситуация была критической.

Официальной пропагандой это привычно интерпретировалось как результат интриг, приведших к возрождению фашизма в Венгрии. Ответственность возлагалась на ЦРУ. Аргументация была традиционной, знакомой ещё с начала 1950-х годов. Писатели, выступавшие на партийных собраниях, утверждали, что «реакция пытается перейти в наступление против сил мира и социализма».

Но и большинство выступавших знало, что дело не только в интригах ЦРУ. Другая причина была вполне очевидна. После смерти Сталина обозначился идеологический кризис, потому и политический оказался неизбежным.

⁶⁵ Здесь и далее цит. по: На партийных собраниях писателей // Литературная газета. 1956, 29 дек.

Кризис идеологии сталинские преемники отчасти компенсировали, изменив некоторые пропагандистские установки. Но деактуализация одних провоцировала критическое осмысление прочих. Это грозило разрушением всей идеологической основы тоталитарного государства.

Отсюда и своего рода амбитендентность сталинских преемников. С одной стороны, негативно окрашенный термин «культ личности» эмблематизировал необходимость реформ. А с другой, постулировалось, что в целом коммунистическая партия непогрешима, ее идеология неизменна. Значит, любая критика прошлого может быть интерпретирована как «идеологическая диверсия».

Амбитендентность проявилась изначально. Потому вполне закономерным стало и возвращение прежних функций Суслову. Как известно, еще при Сталине Политбюро было переименовано в Президиум ЦК КПСС, а генеральный секретарь назван первым. Но структура аппарата не менялась, и специалист в области идеологии вновь оказался востребованным.

Конечно, некоторые из организованных Сусловым кампаний были ранее признаны неуместными. Однако с 1955 года он – в Президиуме ЦК КПСС. И опять курирует решение проблем «агитации и пропаганды».

Востребованным оказался и сусловский административный опыт. Судя по итогам, куратор советской идеологии пытался сохранить ее цельность.

Для Симонова же возвращение Суслова означало, что у «Нового мира» появился еще один влиятельный противник. Более того, имевший право непосредственно контролировать журнальную политику.

Правда, в 1955 году Суслов не мог еще ограничить полномочия Симонова – шла подготовка к XX съезду КПСС. Да и после его завершения эффективность нового литературного проекта была вполне очевидна. Ревнителю идеологии оставалось только выжидать.

Удобный момент – начало акций протеста в Будапеште. Ликвидация восстания подразумевала аналогии в литературной политике. Тем не менее, автор романа «Не хлебом единым» стал тогда одним из самых известных советских прозаиков. Издание книги Дудинцева не было запрещено, и Симонов не лишился должности главреда. Ему не пришлось даже каяться публично – в декабре 1956 года. А вскоре скандал прекратился.

Кампания, организованная Сусловым, лишь корректировала новые границы допустимого в литературе. Однако вскоре скандал возобновился. И критика стала гораздо более агрессивной.

Парадоксы скандала

Три январские недели 1957 года – период затишья в прессе. Затем – новый этап обсуждения романа.

Как повелось, тон задавала «Литературная газета». 26 января там опубликован пространственный отчет о партийных собраниях в писательских организациях Москвы и Ленинграда. Заголовок – в духе эпохи: «Создавать произведения, достойные нашего народа»⁶⁶.

Дудинцевский роман все характеризовали негативно. Издание признавали политической ошибкой: «Пессимистичные, чернящие нашу действительность произведения свидетельствуют, что некоторые писатели иногда не задумываются серьезно над идейной стороной своих произведений, подменяя принципиальную критику критиканством».

Речь шла не о единичной ошибке. Практически каждый оратор настаивал на обобщении: «За последнее время в нашей литературе появилась нигилистическая тенденция, порождающая нездоровую атмосферу вокруг некоторых произведений и выступлений»⁶⁷.

К «выступлениям» относилось сказанное на обсуждении романа в ЦДЛ. Все положительные отзывы были признаны «нигилистическими».

Разумеется, «нигилистическими» по отношению к советской идеологии. Ораторы настаивали, что в дудинцевском романе «не ощущается ясной, продуманной позитивной программы».

9 февраля 1957 года «Литературная газета» опубликовала отчет о пленуме литовского отделения ССП. Заголовок – «С чувством ответственности перед народом. За литературу большой жизненной правды»⁶⁸.

Это был необычный пленум. Среди приглашенных – композиторы, художники, режиссеры, актеры. Гости из Москвы тоже были. Повестка – «XX съезд КПСС и задачи литовской советской литературы».

Одной из наиболее важных тем стало обсуждение дудинцевского романа. Споров не было. Характеристика – однозначно негативная: «В последнее время в произведениях некоторых писателей замечается стремление одну крайность заменить другой. Наша критика недостатков должны укреплять, а не расшатывать советское общество. Станет ли читатель после окончания книги сильнее, увереннее или придет в уныние? – вот в чём определяется звучание произведения».

Подразумевалось, что «звучание» дудинцевского романа не соответствует актуальным установкам. Особо же агрессивно формулировался главный тезис: «Высказывания врагов советской литературы не могут поколебать единства наших писателей, но и оставлять эти нападки без ответа мы не можем».

Что за нападки, кто напал и когда – не объяснялось. Впрочем, ссылка на происки неких «врагов советской литературы» была приемом традиционным в публицистике охранительного характера.

Роман Дудинцева осуждали и на других партийных собраниях литераторов. Сценарий первого этапа кампании воспроизводился⁶⁹.

⁶⁶ Здесь и далее цит. по: Создавать произведения, достойные нашего народа // Там же. 1957, 26 янв.

⁶⁷ Здесь и далее цит. по: Создавать произведения, достойные нашего народа // Там же. 1957, 26 янв.

⁶⁸ Здесь и далее цит. по: С чувством ответственности перед народом. За литературу большой жизненной правды // Там же, 9 фев.

⁶⁹ См.: Выше знамя партийности литературы! // Там же, 12 фев. См. также: Выше творческую активность // Там же, 26 фев.

Опубликовал негативный отзыв и журнал «Коммунист». Это было уже знаковое событие. Примечательно, что номер подписан к печати 23 февраля 1957 года, а заголовок редакционной статьи – «Партия и вопросы развития советской литературы и искусства»⁷⁰.

Главный партийный журнал подвел итоги. Постулировалось: «Наряду с большим количеством интересных, подлинно правдивых и острых произведений, как очерки Овечкина и Троепольского, повести Тендрякова и т.д., “Новый мир” напечатал и произведения, неправильно отражающие нашу жизнь, например, роман Дудинцева «Не хлебом единым»...».

Редакция ссылалась на мнения коллег-литераторов. Так, были упомянуты критические суждения о дудинцевском романе, высказанные «на собраниях писателей и в печати».

Далее обвинения конкретизировались. Речь шла вновь о симоновских подчиненных: «Редакция журнала не помогла молодому писателю В. Дудинцеву осознать неверные тенденции его произведения и поспешила опубликовать роман, содержащий ложные обобщения, дающий искаженные представления о советской действительности».

Правда, не обошлось и без оговорок. Злой умысел опять был исключен: «Нет оснований сомневаться в том, что автор романа исходил из честных побуждений, стремясь заклеймить бюрократизм и его носителей в нашем государственном аппарате. Но он, увлеченный пафосом разоблачения, потерял перспективу, впал в панику, преувеличил опасность, представив бюрократизм в наших условиях по существу непробиваемой стеной, а работников аппарата, да и науки показал почти сплошь как перерожденцев. Вместо живой и могучей силы советских людей, под руководством партии выжигающих бюрократизм, в романе ему противостоят только честные одиночки, терпящие за свою честность бесконечные лишения и страдания. Роман не зовет по-ленински бороться со злом, а сеет уныние, порождает анархическое отношение к государственному аппарату».

Статья в «Коммунисте» – рубеж. После нее агрессивность критических суждений возрастала постоянно. Можно сказать, апогей достигнут на пленуме Московского отделения ССП. Отчет был опубликован «Литературной газетой» 19 марта – под заголовком «Подводя итоги»⁷¹.

Разумеется, для автора романа и редактора «Нового мира» итоги были отнюдь не утешительными. Полный разгром.

Дудинцев пытался оправдываться. Утверждал, что замысел романа обусловлен памятью о первых днях войны, когда из окопа наблюдал «воздушный бой: “мессершмитты” (sic! – Ю. Б-Ю., Д. Ф.) сбивают наши самолёты, которых значительно больше. В ту минуту во мне началась какая-то ломка, потому что я до этой поры всё время слышал, что наша авиация летает лучше всех и быстрее всех. Говорят, что я выражаю «чернителные» тенденции. Это не так. Просто хочется, чтобы то, что ты видел, не повторялось. И я имею право так хотеть!».

Аргументация Дудинцева – имплицитная ссылка на антисталинские суждения Хрущева. Все обвинения в свой адрес романист отверг. Используя фразеологию военных лет, назвал своих обвинителей «паникосеятелями».

Но и оппоненты следовали пропагандистской традиции. Причем тоже ссылались на военный опыт: «Когда у писателя неточная память, она играет скверные шутки. Он помнит наши горящие самолёты в первый период войны, но забыл о самолётах побеждающих».

Характерно, что обвинения становились все более похожими на политический донос. Подразумевались уже не только ошибки, еще и умысел: «Мы все помним, как народ пошёл на войну и как победил. Почему же не помнит этого Дудинцев? Что это – плохая память или позиция?».

⁷⁰ Здесь и далее цит. по: Партия и вопросы развития советской литературы и искусства // Коммунист. 1953. № 3. С. 15–16.

⁷¹ Здесь и далее цит. по: Подводя итоги // Литературная газета. 1957, 19 мар.

Симонов уже не спорил с оппонентами. Отметил, что Дудинцев, отвергая обвинения, старается «под внешним покровом смелости уйти от прямого, по-настоящему смелого и требующего действительного гражданского мужества ответа на вопрос – что в романе, вопреки основному замыслу автора (а я хочу продолжать в это верить), оказалось работающим не в ту сторону?».

Далее Симонов развил тезис. Заявил, что Дудинцев «не хочет подумать вслух о недостатках и ошибках своего романа. Он предпочитает жаловаться. Зададим себе вопрос: на что? Может быть, на то, что ему не дали высказать своих мыслей и чувств, и роман мертвым грузом лежит в рукописи? Нет, его роман, отвергнутый в одном издательстве, был принят в другом и был напечатан в журнале стосорокатысячным тиражом, то есть таким тиражом, который, как правило, и сниться не может молодому писателю в буржуазном обществе. Значит, право напечатать то, что Дудинцев написал, было ему представлено».

Симонов не указал, где был получен отказ, и кто дал согласие. Надо полагать, слушатели располагали такими сведениями.

О причине отказа рассказывал тридцать лет спустя Дудинцев – в цитированных выше мемуарах. По его словам, роман обсуждался в «Молодой гвардии», там заключили договор, выплатили аванс, завершили редакционную подготовку. А потом начальство, испугавшись гнева ревнителей идеологии, приняло другое решение, автор же передал почти готовую к публикацию рукопись в издательство «Советский писатель»⁷².

Возможно, Дудинцев именно так воспринял события, а не просто выдумал их. Судя же по архивным документам, решение принимали вовсе не в редакции «Молодой гвардии». Туда из ЦК КПСС поступила в январе 1957 года рекомендация – передать рукопись в издательство «Советский писатель»⁷³.

Тут своя логика, пропагандистская. «Молодая гвардия» изначально была издательством ЦК комсомола, соответственно, вышестоящая инстанция решила передать оказавшийся скандальным роман в другую издающую организацию, формально относившуюся к ССП.

Ну а Симонов на мартовском пленуме подчеркнул, что в «Новом мире» рукопись приняли сразу. И почти не правили: «Может быть, роман не был напечатан в том виде, в каком хотел его напечатать автор, и он протестует против редакторского насилия? Нет, такого насилия не было. Добавлю к этому, что, к сожалению, редакция журнала, который я здесь и представляю, не проявила достаточной твердости и, хотя и провела вместе с Дудинцевым редактуру романа, однако не увидела до конца сама и не постаралась убедить автора в том, что роман требовал серьезного преодоления его однобокости в изображении нашего общества».

Редактор объявил и себя виновным. Судя по выступлению, пытался такой ценой остановить скандал. Мешал же неуступчивый романист. В сущности, к нему Симонов и обращался: «На что жалуется Дудинцев? На то, что его критиковали, на то, что “Литературная газета”, поместив ряд положительных высказываний о его романе, поместила затем статью с преимущественно отрицательной оценкой романа. Да, в печати о романе Дудинцева, наряду с признаниями тех удач, которые в нём есть, было сказано немало горьких слов об ошибках автора. Но даже в самом жёстком отзыве о романе, помещённом на страницах журнала “Коммунист”, были отмечены и добрые намерения автора, и ни одним оскорбительным словом не была поставлена под сомнение его честность».

Прагматика рассуждений вполне очевидна. Симонов, обращаясь, прежде всего, к Дудинцеву, напоминал, что отнюдь не все отзывы были отрицательными, готовится книж-

⁷² Здесь и далее цит. по: Партия и вопросы развития советской литературы и искусства // Коммунист. 1953. № 3. С. 12–17.

⁷³ См.: Записка отдела культуры ЦК КПСС об издании романа В. Д. Дудинцева «Не хлебом единым» издательством «Молодая гвардия» // Аппарат ЦК КПСС и культура 1953 – 1957. Документы. М.: РОССПЭН, 2001. С. 613–614.

ное издание, да и в партийных инстанциях нет претензий лично к романисту, следовательно, беда невелика. Редактор «Нового мира» буквально подсказывал: надлежит выждать, а не отстаивать роман «как некий программный документ эпохи».

Роман «Не хлебом единым» и в самом деле воспринимался «как программный документ эпохи». Но ситуация изменилась, и Симонов, надо полагать, учитывал это.

Однако наиболее интересен в данном случае не скандал как таковой. В аспекте истории литературы гораздо важнее парадоксы, оставшиеся вне сферы внимания исследователей.

Как выше отмечено, Дудинцева опять бранили коллеги-литераторы, против него выступил и журнал «Коммунист» в феврале 1957 года. Но это – с одной стороны. А с другой, верстка романа «Не хлебом единым» была 20 марта года подписана к печати в издательстве «Советский писатель»⁷⁴.

Руководство издательства не могло не заметить возобновившийся скандал. Значит, имело основания игнорировать его.

Меж тем к 20 марта 1957 года скандал не закончился, как это было ранее. Вновь публиковались разгромные отзывы писателей, а в апрельском номере журнала «Коммунист» опубликована статья, где роман «Не хлебом единым» осужден еще более категорично⁷⁵.

Но типографский заказ не был отменен. В июне книга Дудинцева опубликована – тридцатитысячным тиражом. А затем она поступила в магазины.

Отсюда следует, что возобновившийся политический скандал не препятствовал выпуску и распространению книжного издания.

Соответственно, два вопроса правомерны. Во-первых, по какой причине скандал возобновился. А во-вторых, почему это не помешало выходу книги.

⁷⁴ Дудинцев В. Д. Не хлебом единым. М.: Советский писатель, 1957.

⁷⁵ См.: Шамота Н. Человек в коллективе // Коммунист. 1957. № 5 (апрель). С. 75–87; Бутенко А. О социализме и его «гуманистических» критиках // Там же. С. 101–111.

Эффект резонанса

Вопрос, почему возобновился скандал, не ставился историками литературы. Господствует мнение, что антидудинцевская кампания не прекращалась в 1956 году.

Такое мнение потому и сформировалось, что очень коротким был интервал между двумя этапами обсуждения романа. Вне сферы внимания осталась другая кампания, где Дудинцев – отнюдь не главная фигура.

Суслов пытался дискредитировать не столько Дудинцева, сколько новомирского главреда. Что бы ни думали участники обсуждения романа, удары наносились по Симонову. А борьба с ним – лишь отражение конфликта в группе сталинских преемников.

Интрига была стандартной, приемы тоже. Аналогичным образом в 1953 году не Гроссман и роман «За правое дело» стали главными объектами атаки. Суслов вел борьбу с Фадеевым, а также литературными функционерами, поддерживавшими генсека ССП, – Симоновым и Сурковым.

Фадеев, как известно, умер в мае 1956 года. По официальной версии – застрелился в приступе депрессии, обусловленной алкоголизмом. ССП возглавлял Сурков. Кстати, давний симоновский приятель. Суслов же, вернувшись в группу сталинских преемников, не сводил прежние счеты, а вновь утверждал свой авторитет идеолога. Решая при этом идеологические задачи в масштабе государства.

Он сразу нашел союзника. Д.А. Поликарпову, бывшему литературному функционеру, получившему в 1955 году должность заведующего Отделом культуры ЦК КПСС, тоже мешал влиятельный редактор «Нового мира»⁷⁶.

1 декабря 1956 года Поликарпов и его подчиненные отправили в ЦК КПСС докладную записку, где, в частности, рассматривались новомирские публикации. Заголовок должен был изначально вызвать настороженность адресатов: «О некоторых вопросах современной литературы и о фактах неправильных настроений среди части писателей»⁷⁷.

Редактору самого популярного журнала уделялось особое внимание. Он позволил себе дерзость, не соответствовавшую статусу функционера: «Секретарь правления СП СССР т. Симонов, выступая 30 октября с.г. на совещании заведующих кафедрами советской литературы, подверг критике доклад А.А. Жданова и постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград»...».

Далее описано, в чем именно выражалась «критика». Симонов, анализируя ждановский доклад и упомянутые постановления, утверждал, «что наряду с верными, в этих документах содержатся неверные положения, ориентировавшие нашу литературу и критику на путь лакировки и сглаживания жизненных конфликтов».

Авторы докладной записки не могли не знать, что ждановский доклад, содержащий буквально ругательства в адрес Зощенко и Ахматовой, деактуализировался вскоре после смерти Сталина. Аналогично и упомянутые документы ЦК партии. Отсюда следовало, что «секретарь правления» рассуждал в рамках пропагандистских установок, предложенных Маленковым и высказанных Хрущевым. Подразумевалась борьба с «культом личности и его последствиями».

Разумеется, Поликарпов и его подчиненные не пытались вступить в полемику с Маленковым. Даже специально оговаривали это, выстраивая обвинение: «Хотя в выступлении т. Симонова и были верные критические замечания, сам факт выступления его с критикой

⁷⁶ См.: Громова Н. А. Распад. С. 397–398.

⁷⁷ Здесь и далее цит. по: Записка отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах современной литературы и о фактах неправильных настроений среди части писателей» // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 570–579.

постановления ЦК перед беспартийной аудиторией следует признать недопустимым для коммуниста. Такая критика решений ЦК, хотя бы в ней содержались и правильные положения, вносит путаницу в сознание творческих работников и молодежи, подрывает в их глазах авторитет партийного руководства».

Характеризуя тех, кто слушал выступление Симонова, авторы докладной записки противоречили отечественным реалиям. По негласным правилам, должности «заведующих кафедрами советской литературы» занимали только коммунисты, следовательно, «аудитория» не могла бы оказаться «беспартийной».

Противоречие игнорировалось. Главным было то, что Симонов 30 октября выступал, партийные документы критиковал, значит, появился и повод возобновить травлю.

Авторы докладной записки осудили ждановский доклад, что было еще постольку допустимо, поскольку докладчик уже восемь лет, как умер. Все претензии, значит, к покойному. Зато подчеркнули, что «основное содержание постановлений ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» и о репертуаре драматических театров совершенно правильно и в важнейших своих положениях сохраняет свое значение и сегодня».

Получилось, что итоговая оценка выступления Симонова – однозначно негативная. Авторы докладной записки реализовали сусловскую программу: критику любого документа ЦК партии надлежит пресечь.

Выводы административного характера подразумевались. 19 декабря был утвержден проект «Письма ЦК КПСС к партийным организациям “Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов”»⁷⁸.

Докладная записка Поликарпова и его подчиненных была использована как основа. В частности, указывалось, что Симонов «выступил по существу с ревизией некоторых важнейших положений известных решений ЦК по идеологическим вопросам. Нельзя также считать нормальным, что редакции печатных органов творческих союзов не ведут принципиальной борьбы и не отстаивают взгляды партии в области культуры, а в ряде случаев занимают примиренческую позицию, проявляют гнилой либерализм».

Меры надлежало принять незамедлительно. Трактовать как-либо иначе письмо ЦК партии вряд ли удалось бы.

Инцидент широко обсуждался в литературных кругах. Примечательно, например, свидетельство В.А. Каверина, вошедшее в подготовленную к публикации на исходе 1980-х годов книгу воспоминаний «Эпилог»⁷⁹.

Докладной записке Поликарпова и его подчиненных свидетельство Каверина несколько противоречит. Он сообщил: «В Московском университете состоялся всесоюзный съезд преподавателей русского языка и литературы, на котором выступили Симонов, Дудинцев и я».

Значит, в аудитории присутствовали не только «заведующие кафедрами советской литературы», а еще и не занимавшие такую должность преподаватели. Тогда объяснимо, почему там оказались беспартийные. Поликарповские сотрудники ошиблись либо намеренно от истины отступили. Но в данном случае различие непринципиально.

Каверин отметил, что выступление Дудинцева было ординарным, почему и не запомнилось, о своем же рассказал кратко. Речь шла о судьбе Зощенко, ставшего объектом ждановских нападок. Ну а Симонов, по словам мемуариста, «произнес блестящую речь, направленную против постановления ЦК партии 1946 года! Он резко критиковал его, он доказывал, что

⁷⁸ См.: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 88. Л. 54; Ф. 89. Оп. 6. Д. 2. Л. 1–13.

⁷⁹ Здесь и далее цит. по: Каверин В. А. Эпилог. М.: Московский рабочий. 1990. С. 232–233. Ср.: Он же. Литератор. М.: Советский писатель. 1988. С. 108–109.

оно устарело, что давно пора его заменить документом, который открыл бы дорогу новым силам нашей литературы».

Согласно Каверину, ничего подобного не ожидали тогда от секретаря Правления ССП. О причинах, обусловивших дерзость, сказано: «Был ли это смелый, искренний, решительный шаг? Не знаю. Вероятнее всего, это была ставка, и, надо полагать, поддержанная кем-то в высших сферах. Там ведь и тогда не было полного согласия. Симонов – игрок и человек не робкого десятка. Он рискнул – и в ответ услышал оглушительные аплодисменты, в которых чувствовалось даже какое-то праздничное изумление».

Вполне объяснимо «праздничное изумление». 30 октября 1956 года сам факт публикации романа «Не хлебом единым» и речь Симонова воспринимались аудиторией как следствия политических изменений, что были обозначены хрущевским докладом на XX съезде КПСС. Но в Будапеште не прекращались акции протеста, и до массового вторжения советских войск оставались даже не дни – часы.

Судя по каверинским мемуарам, редактор «Нового мира» уже после «блестящей речи» полагал, что дерзость его не останется безнаказанной. И – не ошибся: «В Отделе культуры ЦК под руководством Д. Поликарпова состоялось совещание, на котором было принято решение, осуждавшее наше выступление. Дудинцева корить было не за что, меня, как беспартийного, тоже можно было наказать только вербально, а Симонову, без сомнения, основательно влетело, потому что он года на три скрылся в Ташкенте, где ему пришлось вновь доказывать беззаветную преданность, выступая на заводах и хлопковых полях».

На самом деле Симонов тогда не «скрылся в Ташкенте». И даже остался главредом «Нового мира».

Влиятельные защитники, конечно, нашлись. Однако должность Симонову удалось сохранить и в силу международного резонанса новомирской публикации. 10 декабря Поликарпов направил в ЦК КПСС письмо, где сообщалось: «Советское торг[овое] предст[авительство] в Швеции сообщает, что три шведских издательства обратились с просьбой разрешить им издание романа Дудинцева “Не хлебом единым”. Торгпредство высказывает мнение, что следовало бы разрешить издание романа Дудунцева прогрессивному издательству “Арбетар Кальтур”, чтобы лишить этой возможности буржуазные издательства, которые могут издать роман и не получив разрешения, сопровождая, однако, издание антисоветскими комментариями»⁸⁰.

Действительно, не требовалось разрешение. Советское правительство не подписало международные конвенции, защищавшие авторские права. Но иностранцы, как правило, избегали конфликтов, выплату же гонораров считали обязанностью, почему и обратились в торгпредство. Другой возможности контактировать с Дудинцевым у них, вероятно, не было.

Отказ противоречил бы внешнеполитическим установкам. Соответственно, Поликарпов и его сотрудники предлагали компромисс: «Принимая во внимание, что реакционные шведские издатели могут использовать издание романа “Не хлебом единым” в своих интересах, Отдел культуры ЦК КПСС считает возможным рекомендовать т. Дудинцеву согласиться на издание его книги в прогрессивном издательстве, написав к ней соответствующее предисловие, в котором автор выступил бы против тех, кто пытается использовать его книгу в антисоветских целях».

Вариант был вполне уместным. Если нельзя предотвратить заграничные издания, так их нужно использовать в пропагандистских целях.

⁸⁰ См.: Поликарпов Д., Троценко Е. Записка Отдела культуры ЦК КПСС о разрешении издать роман В. Д. Дудунцева «Не хлебом единым...» // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957. С. 581.

В ЦК партии вариант был принят. И продолжение антидудинцевской кампании оказалось нецелесообразным. Аналогично – отстранение Симонова от должности главреда. Не следовало и запрещать выпуск романа в СССР.

Конечно, Симонов выслушал от Поликарпова много нелестного из-за «блестящей речи» в МГУ. Это и предвидел, согласно Каверину. Ударом по репутации стало закрытое письмо ЦК КПСС. Но административный последствий не было. Возобновился скандал уже по другому поводу, который не обсуждался в прессе. Кстати, о нем и мемуаристы умолчали.

Искушенность и наивность

Повод был достаточно серьезным. На исходе января 1957 года роман «Не хлебом единым» опубликован в Мюнхене – Центральным объединением политических эмигрантов из СССР⁸¹.

Как известно, эта организация создана в 1952 году. Объединяла тех, кто оказался за границей после Второй мировой войны и вернуться в СССР не желал. Потому организаторы изначально выбрали несколько иное название: Центральное объединение послевоенных эмигрантов. Сокращенно – ЦОПЭ.

Четыре года спустя название было изменено. Аббревиатура осталась прежней, зато слово «политических» точнее обозначало направленность деятельности: ЦОПЭ финансировалось в основном американским правительством – согласно установкам «холодной войны».

Но скандальным оказалось не то, что книга советского писателя выпущена эмигрантским издательством даже без предварительного согласования с автором. Такое случалось и раньше, а спор на юридическом уровне был заведомо бесперспективен из-за отсутствия правовой основы. Главную роль сыграло предисловие – «От издательства»⁸².

Предисловие начиналось интригующе. Авторы констатировали: «Роман Дудинцева «Не хлебом единым» произвел в Советском Союзе впечатление разорвавшейся бомбы».

Далее тезис обосновывался. Не указывая источник сведений, авторы сообщали: «Во время обсуждения романа в Доме литераторов в Москве пришлось вызвать конную милицию, чтобы разогнать собравшуюся толпу, стремившуюся во что бы то ни стало попасть внутрь, послушать и высказаться. В Московском университете дискуссия, начавшаяся в аудитории, заканчивалась на улице».

Специфика официальной рецепции тоже обозначена. Акцентировалось: «Партийная печать вежливо, но решительно осудила роман и, несмотря на его огромный успех, он до сих пор не вышел в СССР отдельной книгой».

Здесь авторы предисловия не вполне точны. Бранила Дудинцева преимущественно «Литературная газета», издававшаяся ССП. Но в «социалистическом государстве» любое периодическое издание тогда – по определению – партийное, так что неточность особого значения не имела.

Далее указывалось, что вопрос о выпуске книги еще не решен. А если она и появится, то лишь в искаженном варианте: «советское литературное начальство обещает издание романа, но с поправками – внесенными будто бы по воле автора».

Не сообщалось, когда, где и какое именно «литературное начальство» обещало «издание с поправками». Далее же сказано: «Вот почему мы считаем своим долгом предложить русскому читателю полный и не искаженный текст этого произведения – замечательного по смелости и резкости обличения советской действительности»⁸³.

Следовало отсюда, что ЦОПЭ не воспроизвело публикацию в «Новом мире», а воспользовалось другим источником. Откуда же он взялся – читателям оставалось лишь догадываться. Зато было отмечено, что правомерен «недоуменный вопрос: как вообще подобное произведение могло появиться в подцензурной советской литературе, всего четыре года назад знавшей лишь прославление мудрости “отца народов” и рассуждения о “новом коммунистическом человеке”... Попытаемся на этот вопрос ответить».

⁸¹ См.: Дудинцев В. Д. Не хлебом единым. Роман в 4 ч. Мюнхен: ЦОПЭ, 1957.

⁸² Здесь и далее цит. по: От издательства // Дудинцев В. Там же. С. 1–5.

⁸³ Здесь и далее цит. по: От издательства // Дудинцев В. Там же. С. 7.

Далее авторы предисловия описывали политическую ситуацию на исходе сталинской эпохи и специфику редакционной подготовки публикаций. Отмечалось, что «в советских журналах и газетах цензура действует своеобразно. Цензура осуществляется, главным образом, внутриредакционно. Рукопись проходит ряд инстанций. При этом в условиях террора предполагалось, что даже если какой-нибудь сумасшедший захочет рискнуть своей свободой и жизнью и принесет в редакцию неблагонадежную рукопись, то, во всяком случае, там найдется достаточно людей, которые на такой риск не пойдут, – а поэтому «крамола», даже очень умеренная, света все равно не увидит».

Эмигранты рассуждали со знанием дела. Не без иронии хвалили сталинских администраторов: «Расчет был взят правильный. К 1952 году в советской литературе воцарилась кладбищенская тишина. «Маститые» молчали, а группка недавно выдвинувшихся авантюристов пера робко спорила между собой, есть ли еще в советской действительности основания для конфликта между дурным и хорошим или, может быть, следует говорить о конфликте между хорошим и лучшим».

В общем, констатировалось, что к началу 1950-х годов советская литература оказалась и эстетически несостоятельной, и пропагандистки нефункциональной. Значит, ненужной правительству. Рассуждения же о «конфликте между хорошим и лучшим» отсылали читателей к еще памяtnому журнально-газетному контексту сталинской эпохи. С ее окончанием была неоднократно высмеяна некогда авторитетная «теория бесконфликтности».

Таким образом были обозначены ключевые установки. После чего было сказано: «Но как только люди почувствовали, что террор кончается, сразу началось оживление. Желавших покончить с собой в редакциях не находилось, но многие согласны были рискнуть выговором или даже местом, чтобы протащить в печать ту крупницу правды, за которую больше сейчас вряд ли взыщут. И там, где подобрались соответствующие люди, система внутриредакционной цензуры позволила им делать это. Недаром почти все «вредные» (с точки зрения режима) статьи и художественные произведения появились в «Новом мире», и ничего не появилось, например, в «Октябре»».

Объяснение редакционной политики «Нового мира» было внятным, хотя и не исчерпывающим. Но это не так важно. Главное, что предисловие – довольно пространная критическая статья. Профессионально описаны там сюжетные линии дудинцевского романа, система персонажей, политические реалии. Вот почему удивляет сочетание старательно демонстрируемой искушенности – с подразумеваемой наивностью. Критики-эмигранты словно бы не предполагали, что мюнхенское издание будет прочитано специально уполномоченными сотрудниками КГБ и ЦК КПСС.

Предисловие – буквально подарок Суслову и Поликарпову. Для начала критики-эмигранты характеризовали «Не хлебом единым» как «замечательное по смелости и резкости обличение советской действительности», затем доказывали, почему можно так интерпретировать роман, опубликованный в «Новом мире». Нашли множество аргументов. Пусть лишь на первый взгляд убедительных, суть не менялась.

Более того, в предисловии доказывалось, что и сам Дудинцев понимал: «Не хлебом единым» – антисоветский роман. Обличительный. Ну а Симонов не случайно, а сознательно помог обличителю.

Тогда получалось, что рукопись – «полный и не искаженный текст» романа – представил мюнхенским издателям автор или сотрудник редакции «Нового мира». Лишь такое истолкование тут возможно.

Эмигранты буквально провоцировали карательные меры по отношению к автору романа и главреду «Нового мира». Зачем такое понадобилось – другой вопрос.

Можно предположить, верили: до карательных мер дело постольку не дойдет, поскольку советский режим вскоре рухнет. Но к моменту публикации дудинцевского романа

западногерманским издательством было уже ясно, что крушение – отнюдь не в ближайшей перспективе.

Допустим, провоцировали, руководствуясь соображениями конкуренции: собирались позже сослаться на то, что в СССР писательская искренность наказуема, следовательно, настоящая литература возможно только вне «страны победившего социализма». Тогда Дудинцев и Симонов должны были стать жертвами. Однако такие расчеты слишком уж циничны.

Ни одна из гипотез не объясняет все. Существенно же, что КГБ не проводилось расследование в связи с мюнхенской публикацией. Как будто никого и не заинтересовало, действительно ли попала в ЦОПЭ дудинцевская рукопись.

Но вероятность такого отношения к эмигрантским издательствам крайне мала. Практически нулевая. Гораздо более вероятна другая причина: в КГБ знали, что за источник был использован мюнхенскими публикаторами, и как он за границей оказался. Потому и не собирались обвинять кого-либо из московских литераторов.

Еще раз подчеркнем: в советской прессе вообще не упоминалось мюнхенское издание романа «Не хлебом единым». Последствия же его были очевидны: возобновилась травля Дудинцева и Симонова. Вот и пришлось главреду «Нового мира» каяться на мартовском пленуме ССП.

Не помогло. Критики становились все более агрессивными⁸⁴.

Однако Симонов по-прежнему занимал кресло главреда. Ну а Дудинцев и вовсе отказывался признавать, что хоть в чем-либо ошибся. Парадокса тут нет. Обоих вновь защитила мировая известность романа.

Не только в Швеции собирались его выпустить. О предложениях такого рода Дудинцев и рассказывал в мемуарах. По его словам, не менее шестидесяти издателей вели переговоры с посредником – советским учреждением, еще в 1920-е годы созданным для контроля иностранных публикаций. Официально именовалось оно Всесоюзным внешнеторговым объединением «Международная книга».

От посредника Дудинцев не мог отказаться. Рискнул бы – публикации в СССР были бы заведомо исключены. Как литератор он бы не существовал. Получение же гонораров в иностранной валюте исключалось – по закону⁸⁵.

Если верить мемуарам, в феврале 1957 года администрация «Международной книги» подготовила документы, подтверждавшие, что лишь она уполномочена представлять интересы Дудинцева за границей. Ну а далее полномочия были переданы «французскому агентству “Ажанс литерер артистик паризьен”».

Критерий выбора – связь с французской коммунистической партией. Потому агентство и получило «все права на издание романа, независимо от того, в какой стране он издавался».

Соответственно, издателей, обратившихся лично к Дудинцеву, он должен был переадресовать своему французскому партнеру. Так и поступал всегда, что опять подтверждается документально⁸⁶.

⁸⁴ См., напр.: Подводя итоги // Литературная газета. 1957, 19 марта; Кузнецов М. Главная тема современности // Вопросы литературы. 1957. № 7. С. 155–156; За партийную принципиальность, за единство сил советской литературы. Заседания 15 мая и 16 мая // Литературная газета. 1957, 21 мая; 1957, 22 мая; Храпченко М. Мировоззрение и творчество // Вопросы литературы. 1957. № 9. С. 80–83; Софронов А. Во сне и наяву. Литературные заметки // Литературная газета. 1957, 7 дек.

⁸⁵ См. подробнее: Дудинцев В. Д. Между двумя романами. С. 74–78; 132–207.

⁸⁶ См.: Ein Briefwechsel zwischen dem Autor und dem Verlag der Sternbücher // Dudinzew W. Der Mensch lebt nicht vom Brot allein. Hamburg: Henri Nannen Verlag, 1957. S. 451–469; Дудинцев В. Д. Между двумя романами. СПб: Журнал «Нева», 2000. С. 150–160.

Уловка «Международной книги» понятна. Эта организация была инструментом правительства, а договоры с агентствами – способом легального финансирования иностранных коммунистических партий.

Впрочем, не все доходы от публикаций доставались агентству. Порою заграничные издатели вежливо, но твердо отклоняли предложение Дудинцева обратиться к его французскому партнеру. Объясняли при этом, что для них гонорар – вопрос этический, не более, а юридических обязательств перед автором нет. Тогда писателю приходилось соглашаться⁸⁷.

Известность Дудинцева ширилась, и отстранение Симонова от должности главреда было по-прежнему неуместно – с точки зрения внешней политики. В июне 1957 года роман «Не хлебом единым» вновь опубликован, и это демонстрировало иностранцам, что инвективы критиков уже не имеют прежней силы, значит, в СССР продолжается «десталинизация».

⁸⁷ Дудинцев В. Д. Между двумя романами. С. 191–199.

Очередная замена

Нападки на Симонова в прессе не прекратились, но ситуацию они уже не меняли. К тому же у Суслова появилась проблема гораздо более важная, чем отстранение от должности главреда «Нового мира».

Июнь 1957 года – период открытого соперничества в группе сталинских преемников. Конфликт обострился, потому как спецификой тоталитарного режима была исключена реализация многократно декларировавшегося «принципа коллективного руководства»⁸⁸.

В предложенной Маленковым пропагандистской схеме «принцип коллективного руководства» противопоставлялся «культу личности». Это означало сохранение уже сложившегося тогда баланса сил⁸⁹.

Но сохранить его было невозможно. Кто-либо из группы сталинских преемников все равно монополизировал бы власть. Хрущев оказался наиболее решительным, и конкуренты объединились против него. Использовали традиционный способ – заговор.

На этот раз заговор не помог. Лидера партии тогда поддержал министр обороны – маршал Г.К. Жуков. А заговорщики вскоре были официально выведены из состава ЦК партии – в качестве «антипартийной группы»⁹⁰.

Официально ее лидером объявлен Маленков. Так ли было – в данном случае не имеет значения. Важно, что отстранение «антипартийной группы» от власти оформлялось пропагандистски как продолжение борьбы со сталинистами, ответственными за «массовые репрессии».

На стороне Хрущева выступил тогда Суслов, хотя он считался противником маленковских новаций в области пропаганды. Опытный функционер вовремя поддержал сильнейшего и – упрочил свое влияние.

Однако довести антисимоновскую кампанию в прессе до административного итога Суслов все еще не мог. В аспекте внешней политики такое было по-прежнему нецелесообразно, да и процесс монополизации власти не завершился.

Подчеркнем: монополизация власти – закономерность, обусловленная спецификой тоталитарного режима. Вот почему в октябре 1957 года и Жуков был выведен из состава ЦК партии, а затем смещен с должности министра обороны. Знаменитый полководец стал опасен – слишком влиятелен.

У Жукова было много недоброжелателей среди маршалов и генералов. Но министру официально не инкриминировали то, что обсуждала армейская элита: непомерную жестокость, грубость, деспотичность. В партийных документах постулировалось: он планировал «ликвидацию руководства и контроля над армией и Военно-Морским Флотом со стороны партии, её ЦК и правительства...»⁹¹.

Правда, в армейской элите немало было и сторонников Жукова. Вот и пришлось Хрущеву выждать, прежде чем окончательно отправить маршала в отставку. Это произошло лишь на исходе февраля 1958 года.

Симонов и Жуков встречались и на войне, и после нее. Литература, понятно, не входила в сферу маршальских интересов, но общего у полководца и писателя оказалось не так уж мало. Оба добились и всесоюзной, и мировой известности, неоднократно пережили опалу.

⁸⁸ См. подробнее: *Фельдман Д. М. Терминология власти.* С. 9–14.

⁸⁹ См. подробнее: *Фельдман Д. М. Терминология власти.* С. 15–61.

⁹⁰ См.: *Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель»...* С. 225–242.

⁹¹ *Лопез Ж., Отхмезури Л. Жуков. Портрет на фоне эпохи / Пер. с фр. В. Е. Климанова.* М.: Центрполиграф, 2015. С. 638–658.

Возможно, что покровительство министра обороны стало еще одним фактором, в силу которого Суслов не спешил отстранять от должности новомирского главреда.

К марту 1958 года Суслов и Поликарпов по-прежнему наступали. Постоянно росла интенсивность «критической бомбардировки». Симонова буквально вынуждали подать в отставку. Он медлил, положение же становилось критическим⁹².

Суслов дождался удобного момента – даже в аспекте внешней политики. За границей отставку Симонова вряд ли бы соотнесли непосредственно с журнальной публикацией романа «Не хлебом единым»: более полутора лет прошло, да и книга Дудинцева издана в СССР.

Решение сменить руководство литературным проектом принято в марте 1958 года. Поликарпов сразу нашел подходящую кандидатуру – Твардовского. Они уже много лет при-
ятельствовали. Это предложение опальный поэт принял, что фиксируется его дневниковыми записями. Дневник же более сорока лет спустя частично опубликован дочерью – в качестве так называемых «рабочих тетрадей»⁹³.

21 апреля будущий главред записал в дневнике, что приглашен к министру культуры СССР – Е.А. Фурцевой. С ней он тоже был давно знаком. Надлежало обсудить условия назначения. Реализацию проекта «Новый мир» следовало продолжать, значит, преемнику тоже полагались особые права.

6 мая Твардовский фиксировал в дневнике, что днем ранее уведомил Фурцеву: с назначением согласен. Оно было одобрено и Сусловым, о чем тот лично сообщил, отметив, что кандидата в главреды ценил всегда как поэта⁹⁴.

Судя по дневнику, одобрение кандидатуры нового главреда получено до начала переговоров Твардовского и Фурцевой. Так что беседа с главным идеологом – своего рода напутствие. Обязательное в условиях продолжавшейся антисимоновской кампании.

Понятно, что Суслов ценил Твардовского не только как поэта. На исходе 1940-х годов тот – будучи редактором «Нового мира» – оказался гораздо более уступчивым, нежели Фадеев и Симонов. Десять лет спустя такой фактор, похоже, обусловил выбор.

Кроме того, у Твардовского за границей уже сложилась репутация сторонника либеральных реформ, и симоновская была аналогичной. Получалось, что заменили одного либерала другим.

Симонов, был слишком влиятелен, энергичен, азартен. Да и административной техникой владел лучше многих партийных функционеров: умел находить союзников, совместными усилиями решая задачи, считавшиеся неразрешимыми. В частности, еще не став редактором «Нового мира» добился снятия негласного запрета на публикации романной дилогии Ильфа и Петрова. Написал даже предисловие к новому изданию 1956 года⁹⁵.

Изданием дилогии была окончательно дискредитирована агитпроповская интрига восьмилетней давности. Суслову пришлось с этим смириться. Но трех лет не прошло, и он взял реванш – очередной раз.

Твардовский фактически приступил к обязанностям руководителя «Нового мира». Оставались только формальности. 15 мая 1958 года Симонов подписал к печати июньский номер, чем и завершил редакторскую деятельность⁹⁶.

⁹² См.: Бианки Н. П. К. Симонов, А. Твардовский в «Новом мире». М.: Виоланта, 1999. С. 30–34.

⁹³ См.: Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов / публикация В. А. Твардовской, О. А. Твардовской; примечания В. А. Твардовской // Знамя. 2002. № 9. С. 174.

⁹⁴ См.: Твардовский А. Т. Рабочие тетради 60-х годов / публикация В. А. Твардовской, О. А. Твардовской; примечания В. А. Твардовской // Знамя. 2002. № 9. С. 176.

⁹⁵ См.: Симонов К. М. Предисловие // Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Гослитиздат, 1956. С. 3–14.

⁹⁶ См.: Новый мир. 1958. № 6. С. 288; № 7. С. 288.

Итоги подвела «Литературная газета» 28 июня 1958 года. В рубрике, где обычно публиковалась недельная хроника, указано: «Секретариат правления Союза писателей СССР удовлетворил просьбу К.М. Симонова об освобождении от должности главного редактора журнала “Новый мир”. Главным редактором журнала утвержден А.Т. Твардовский»⁹⁷.

Если судить по заметке, то «просьба» – единственная причина «освобождения». Но Каверин отнюдь не случайно рассуждал о ставке в игре.

Симонов был назначен специальным корреспондентом «Правды» по республикам Средней Азии. Жил тогда преимущественно в Ташкенте. Возможно, он и сам не захотел оставаться в столице. Ну а Дудинцев, вопреки распространенному мнению, не стал изгоем среди писателей. Его новая книга вышла, когда и год не минул после замены новомирского главреда. В дальнейшем тоже публиковался⁹⁸.

Дудинцев как таковой, подчеркнем еще раз, не был главным объектом атаки. Удары наносились преимущественно по Симонову.

Вряд ли у него были какие-либо претензии к Твардовскому в связи с «освобождением». Да и преемник старательно демонстрировал лояльность. Так, 26 ноября 1958 года отправил письмо:

«Дорогой Константин Михайлович!

Надеюсь, ты не станешь отказываться от тех слов, коими при передаче мне дел ты обещал журналу свое сотрудничество. Я их хорошо помню, есть и свидетели»⁹⁹.

Шуткой Твардовский акцентировал, что лично заинтересован в сотрудничестве. Почему – не объяснил. Но уже от имени всей редакционной коллегии просил «уведомить: что ты собираешься нам дать в 59 (хотя бы) году. Пусть это будет роман (тогда, пожалуйста, название укажи – для проспекта), пьеса, очерк, статья, “дневник писателя”, стихи и т. п.

Очень прошу отозваться.

Желаю тебе всего доброго под ташкентскими кущами.

Твой А. Твардовский».

У новомирского главреда не было необходимости выпрашивать рукописи. В журнале хватало материалов для заполнения всех отделов. Но Твардовский намекал: хоть и нет за ним вины, а виноватым себя чувствует. Да и Симонов еще оставался секретарем Правления ССП.

От должности секретаря Правления ССП Симонова «освободили» в 1959 году. Конечно, ташкентская командировка оказалась длительной, и все же коллеги видели реальную причину: Сулов завершил трехлетнюю интригу.

Он не сводил личные счета, последовательно лишая Симонова административных постов. Решал другие задачи.

«Новый мир» в 1958 году оставался перспективным литературным проектом, вот Сулов и заменил на должности руководителя чужую креатуру своей. А затем лишь демонстрировал всем главредам, что нарушивший установки главного идеолога лишится и статуса функционера ССП.

Твардовский, конечно, понимал суловские интенции. Но по отношению к предшественнику был деликатен. Симонов, надо полагать, это ценил. В «Новом мире» печатался. Как функционер он проиграл в 1958 году, и все же его игра не завершилась.

Вряд ли суловская интрига повлияла на планы Гроссмана. Нет сведений, что договор о публикации романа обсуждался в «Новом мире».

⁹⁷ См.: Литературная хроника. В Союзе писателей СССР // Литературная газета. 1958, 28 июня.

⁹⁸ См.: Дудинцев В. Д. Повести и рассказы. М.: Трудрезервиздат, 1959; *Он же*. Повести и рассказы. М.: Профтехиздат, 1959; *Он же*. Рассказы. М.: Московский рабочий, 1963; *Он же*. Новогодняя сказка. М.: Московский рабочий, 1965; *Он же*. Не хлебом единым. М.: Художественная литература, 1968.

⁹⁹ Здесь и далее цит. по: Твардовский А. Т. Письмо Симонову К. М. // Твардовский А. Т. Собр. соч. М.: Художественная литература, 1983. Т. 6. С. 82.

Гроссман не торопился получить журнальный аванс. Переизданий романов «Степан Кольчугин» и «За правое дело» было довольно, чтобы создать финансовую базу. К тому же он участвовал в реализации другого проекта – альманаха «Литературная Москва».

Проектное завершение

Два номера «Литературной Москвы», как известно, опубликованы в 1956 году. Читательский успех был несомненным – в СССР и за границей.

Это исключительно «оттепельный» проект. Наиболее подробно его историю описывал Каверин – в упоминавшейся выше книге воспоминаний «Эпилог».

По свидетельству мемуариста, с ним в 1955 году обсуждали спонтанно возникшую идею альманаха Э.Г. Казакевич и М.И. Алигер. Пришли к согласию, но предстояло еще согласовать проект в ССП, а затем и Отделе культуры ЦК партии.

Вероятность успеха оценивалась как высокая: три автора проекта были сталинскими лауреатами, да еще и функционерские должности занимали – хотя бы номинально, в силу статуса классиков советской литературы. Наконец, они нашли источник финансирования и полиграфическую базу, заручившись поддержкой А.К. Котова, директора Государственного издательства художественной литературы.

Идею поддержал в первую очередь Симонов. Прочие руководители ССП тоже. Ну а Поликарпова, согласно каверинским мемуарам, удалось все же убедить, что альманах «не будет угрожать существованию советского искусства».

Разумеется, Поликарпов не об искусстве заботился. Он контроль партийный обеспечивал. Соответственно, Алигер и Каверин упростили Казакевича стать главредом. В аспекте согласования – кандидатура самая удачная: не только коммунист, что было обязательным условием, но и фронтовик, причем не корреспондент одной из редакций, как писатели с довоенным стажем, а войсковой разведчик, закончивший войну в должности помощника начальника разведки армии. Известность принесла ему повесть о разведывательной группе, погибшей за линией фронта. Кстати, опубликованная журналом «Знамя» в 1947 году¹⁰⁰.

Проект «Литературная Москва» был одобрен ЦК партии, аналогично и министерством культуры. За дальнейшим следить надлежало писательскому руководству. Оно и переложило ответственность на московскую секцию прозы. Содержание каждого номера следовало утверждать там – на общем собрании. Не обходилось и без конфликтов, чему в каверинских мемуарах уделено особое внимание.

Характерно, что альманах большинством писателей рассматривался как реализация карьерных амбиций. Каверинских в первую очередь. Ему и было сказано, что для этого нет нужды учреждать новое периодическое издание, можно и так «состоять членом какой-нибудь солидной редколлегии».

Каверин назвал такой подход оскорбительным. Высказанная публично оценка не повлияла на правила игры: «Однако мы старались поддерживать связь с Союзом писателей, отчитывались, докладывали, главный редактор выступал в парткоме. Наша деятельность одобрялась, хотя уже содержание первого тома должно было вызвать – и вызвало – завистливое раздражение тех, кто злобно называл наш альманах “футбольной командой государства Израиль”».

В сталинскую эпоху подобного рода антисемитские намеки – обычный прием конкуренции. Негласным правительственным установкам он вполне соответствовал: количество этнических евреев в любом учреждении надлежало минимизировать. Тем паче – в редколлегиях. Времена менялись, но Хрущев лишь на XX съезде КПСС и только намеком обозначил, что проявления антисемитизма уже неуместны.

¹⁰⁰ Казакевич Э. Г. Звезда // Знамя. 1947. № 1. С. 11–66.

Первый номер альманаха сдан в набор 31 января 1956 года, подписан к печати 17 февраля. Объем большой – свыше пятидесяти печатных листов¹⁰¹.

Акция «Литературной Москвы» планировалась загодя. Вольно ли, невольно ли, Каверин подтвердил это, отметив: «Первый сборник вышел и был принят хорошо – он продавался с книжных прилавков Двадцатого съезда».

Это отнюдь не единственная акция, приуроченная к XX съезду партии. Вот и Каверин отметил: «Эренбург, привычно оценив альманах с политической точки зрения, сказал мне, что он мало отличается от хорошего номера “Нового мира”».

В книге «Эпилог» обстоятельно доказывается, что «Литературная Москва» от «Нового мира» отличалась не только объемом. Там опубликовано многое из отвергнутого другими изданиями. Например, статья Б.Л. Пастернака «Заметки к переводам шекспировских трагедий», стихи Л.Н. Мартынова, негласно запрещенные после разгромных кампаний, и т. д.

«Литературной Москвой» отменен и негласный запрет публикаций Ахматовой, Цветаевой, Заболоцкого. Отличия альманаха от прочих изданий были заметны современникам.

Правда, редколлегии приходилось учитывать цензурную ситуацию. Конфликты возникали постоянно. В связи с этим Липкин сообщил, что Гроссман «был сердит на Казакевича из-за меня: по рекомендации Гроссмана Казакевич взял у меня для первого номера альманаха большую подборку стихотворений, а я не печатался как оригинальный поэт почти четверть века. Но в последнюю минуту Казакевич, ссылаясь на вышестоящие инстанции, отказался от подборки, утешая меня тем, что такая же участь постигла стихотворения Пастернака. У Гроссмана с Казакевичем был тяжелый разговор, в результате которого Казакевич решил поместить в альманахе одно мое стихотворение, хотя и безобидное, но все же в обезопасивающем (sic! – Ю. Б-Ю., Д. Ф.) сопровождении перевода».

В альманахе действительно опубликовано одно стихотворение Липкина – под заголовком «Из восточной рукописи». И оно соседствует с переводом, озаглавленным «Из индийского эпоса “Махабхарата”».

Но описание конфликта Гроссмана и Казакевича весьма туманно. Причина и суть обозначены намеками, понятными лишь с учетом контекста.

Учитывая контекст, можно понять так, что с начала 1930-х годов на публикации Липкина «как оригинального поэта» был наложен запрет, но об этом не знал Казакевич. Узнав же, от предложенной «большой подборки» отказался. Ну а Гроссман в «тяжелом разговоре» объяснил главреду «Литературной Москвы», что можно уже не учитывать цензурные ограничения, наложенные в сталинскую эпоху.

Причины запрета тоже лишь обозначены. Казакевич, по словам мемуариста, выбрал для альманаха одно «безобидное» стихотворение. Стало быть, Липкин успел ранее опубликовать или предложить редакциям что-либо небезобидное, вот и наказан. Лишен статуса «оригинального поэта».

Уместность выводов подтверждаются еще и тем, что стихотворение Липкина напечатано, по его словам, в «обезопасивающем сопровождении перевода». Значит, главред счел нужным минимизировать нарушение и замаскировать его. Вот почему Гроссман все же «был сердит». Неприличную робость проявил Казакевич: не пренебрег деактуализовавшимся цензурным запретом.

¹⁰¹ См.: Литературная Москва. Литературно-художественный сборник московских писателей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 832.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.